

Г.Г. Дингес.

О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года¹.

Данные о начале и наличии воздействия русского языка на язык поволжских немцев мы можем черпать из различных источников: 1) из прямых указаний авторов на наличие русских заимствований в языке и быте; 2) из памятников языка, в которых налицо эти заимствования; 3) из фактов самой истории поволжских немцев или истории России в целом. Так, непосредственное воздействие русского языка на их язык, естественно, могло начаться не раньше момента появления их в России, т.е. не ранее 1763-64 года. Ясно также, что слово *Semstwo* «земство» появляется в их языке не ранее 1864 года, т.е. не ранее года введения земских учреждений в немецких колониях. В нашей статье мы ограничимся показаниями памятников, лишь в редких случаях привлекая иные показания. Конечно, не всякое слово, засвидетельствованное в старом печатном и рукописном источнике, есть вместе с тем и слово живого народного языка того времени, что, однако, само по себе не обесценивает определенного слова в качестве показателя русского влияния, особенно тогда, когда это слово налицо в наши дни в говорах поволжских немцев. Дело в том, что путь заимствований в народный язык может быть двояким: он идет или через верхние интеллигентные слои в порядке книжного или устного заимствования ими слов другого языка, переходящих затем в язык народный вместе с другими словами верхних слоев, что мы, например, наблюдаем при французских заимствованиях в языке русского простонародья², или же он идет прямо от носителей чужого языка к низшим слоям, как, например, при заимствовании многих слов германских языков в вульгарную латынь³, или слов высокой и вульгарной латыни в языки германские⁴, причем слова, перенятые непосредственно в народный язык, могут в свою очередь быть переняты другими говорами⁵. Таким образом, наличие

¹ Настоящая статья является самостоятельным, на основании новых данных расширенным оформлением части материала из главы «К истории русских заимствований» нашего рукописного исследования о русских заимствованиях в языке поволжских немцев, написанного в 1917 году и представленного в качестве кандидатского сочинения Ист. фил. факультету Московского Университета, (впервые опубликована в Ученых записках Саратовского университета. 1929. Т. 7. Вып. 3. - *Прим. Ред.*).

² Эта любопытнейшая тема, насколько нам известно, до сего времени не нашла еще своего исследователя.

³ Сравни к этому L. Bruch, *Der Einfluss der germ. Sprachen auf das Vulgarlatein*, стр. 89 сл. и E. Richter, *Fremdwortkunde*, 16 сл.

⁴ Fr. Kluge, *Urgermanisch*, стр. 18 сл. и E. Richter, *Fremdwortkunde*, 16 сл.

⁵ см. E. Jaschke. *Lateinisch-romanisches Fremdwörterbuch der schlesischen Mundart*. Breslau 1908, стр. 3.

русского слова в старом памятнике в известных случаях может свидетельствовать об употреблении его более интеллигентными слоями поволжских немцев, откуда уже это слово могло проникнуть к низшим слоям. В этом случае памятник обнаруживает первую стадию процесса проникновения русского слова в язык поволжских немцев через их верхние слои. Однако, очень часто из обстоятельств, при которых в памятнике упоминается русское заимствование, вполне ясно, что оно есть слово народного, в нашем случае крестьянского языка (Сравни, например, ниже слово «амбар» в п. 11 стр. 219 у Клауса). Эти факты говорят о том, что при рассмотрении старых (конечно, и новых) заимствований следует обращать внимание на то, какой социальный слой является их носителем, каким социальным слоем ограничено или было ограничено в свое время их употребление.

Вместе с тем употребление заимствования может быть ограничено и в смысле географическом. Так, чтобы взять пример из настоящего, мы для обозначения забора в ответах на нашу анкету № 1 встречаем русское заимствование лишь в селах, расположенных к северу от с. Орловского, и в с.с. Боаро и Мангейм в виде сложного слова Saborgwand (Забор+Wand – всего в 11 селах), тогда как во всей остальной массе ответов (из 147 сел) мы имеем немецкие обозначения. Из этого следует, что тогда, когда мы в старом памятнике встречаемся с заимствованным, следует себе всегда ставить вопрос о его географической приуроченности и пытаться выяснить, в каком именно месте, и у какого социального слоя данное слово было в употреблении.

Но исследование, рассматривающее старые заимствования, должно сугубое внимание уделять вопросам хронологии. Здесь, конечно, во многих случаях удастся лишь показать, что в такое то время (или до этого времени) известное заимствование было налицо у волжских немцев. Иногда возможным будет показать, что заимствованное слово стало употребительным после известного срока. Однако, не менее интересным и важным, чем вопрос о сроках появления известных заимствований, является вопрос о сроках исчезновения заимствований в силу тех или иных причин.

Выяснению, с наивозможной точностью, хронологической, географической и социальной приуроченности и обусловленности каждого старого русского заимствования в языке поволжских немцев мы уделим особое внимание в нашем исследовании⁶. Такая точность в приурочении

⁶ E. Tappolet (проф. Базельского университета) в своей капитальной работе *Die allemanschen Lehnwörter in den Mundarten der französischen Schweiz*, Strassburg Band 1, 1914; В. 11, 1917 уделяет хронологической и географической приуроченности заимствований большое внимание. Особенно это наблюдается в словаре (составляющем основное содержание второго тома), в котором Tappolet, кроме того, всегда отмечает слова административного и судебного языка. Но Tappolet не ставит себе задачи выяснения социальной приуроченности заимствований. Так, в главе *Der Entlehnungsprozess im Allgemeinen* (т. 1, стр. 53) Tappolet совершенно не касается вопроса о путях проникновения заимствований через верхние (интеллигентные) слои. Впрочем, и у Kluge и у Bruch'a также нет

заимствований вдвойне необходима тогда, когда мы вопрос о языковом влиянии связываем с вопросом о культурном влиянии. Поскольку изолированное, не выходящее за пределы лингвистики рассмотрение языковых заимствований не может во многих случаях дать удовлетворяющего объяснения этим явлениям, такое связывание вопросов о языковом и о культурном воздействии представляется необходимым. Мы попытаемся на основании нашего материала выяснить, насколько русскому влиянию в области языка соответствует влияние в области культурной, и посильно показать, какая роль в этих процессах принадлежит факторам экономического и социально-политического порядка. Все это потребует от нас в ходе нашего исследования последовательного привлечения данных по экономике, истории и этнографии поволжских немцев.

Материал нашей статьи ограничен временем от прибытия первых поволжских немцев в Россию в 1764 году до 1876 года. 1874 год является очень заметной гранью в истории поволжских немцев: в этом году впервые поволжские немцы привлекаются к отбыванию повинности; а 1876 год является годом окончательного уничтожения отдельного управления поволжских немецких колоний. Немедленно за этими правительственными актами воследовала русификация администрации и суда и всего делопроизводства. Все это в гораздо большей степени, чем прежде положение вещей в немецких колониях, способствовало проникновению русских слов в говоры поволжских немцев.

Таким образом, и в смысле истории языка поволжских немцев 1876 год является явно ощутимой гранью.

Переходя к рассмотрению и к предварительному анализу русских заимствованных слов по отдельным памятникам, мы их расположим, поскольку это окажется возможным, в хронологическом порядке написания этих памятников или появления их в свет. Это представляется нам целесообразным, прежде всего, потому, что каждое данное слово в каждом данном памятнике требует, по возможности, особого и внимательного притом рассмотрения.

1. Самым старым из известных нам волжско-немецких памятников, в которых налицо русские заимствования, нужно считать стихотворное **описание** сопровождавшегося зимовкой около Торжка **путешествия из Германии на Волгу в 1756-67 г.** одного из транспорте немцев-колонистов, сочиненное неким отставным офицером **Платоном** и впервые напечатанное А. Клаусом в качестве приложения к своей книге: *Наши колонии*. СПб 1869⁷. Это произведение, состоящее из 67 строф, записано, по Клаусу, в первой половине XIX века со слов старожилов, но, видимо, возникло или во время путешествия, или

постановки этого вопроса. E Richter отмечает наличие слов чисто ученых, полуученых и народных (Fremdwortkunde, стр. 8), но в своих классификациях также не ставит вопроса о социальной приуроченности заимствований.

⁷ Второй раз на основании рукописи, отступающей частично от текста Клауса, напечатано это произведение с вводной статьей П.И. Зинером в журнале *Teuthonista* II, 270 сл. в 1926 г.

непосредственно после него по памяти или же на основании записей автора. В этих предположениях, помимо характера самого изложения поэмы, нас может утверждать четкость наблюдений Платена над русской жизнью и точное знание географической последовательности мест, через которые следовали колонисты. Так как русские слова, имеющиеся в этой поэме, хорошо соотносятся и в стилистическом и в метрическом отношении со всем построением ее и не могут быть заменены соответствующими немецкими словами без нарушения ее метрического строя, то нет оснований считать их внесенными последующими переписчиками⁸. Вот эти слова:⁹ 16. Nun hört ich: dreißig Werst¹⁰ Wird man zu Schiff noch gehen «тут я узнал (что) мы еще тридцать верст пройдем водой (дословно: на судне) 27. Nun spricht er: *Matschka* komm, Hol was noch übrig bleibt. «Тогда он говорит: матушка, иди, принеси, что еще осталось» (от еды). Сверх того слово *Matschka* мы в поэме находим еще в след. строфах: 32, 33, 37, 43, 46, 49, 51 и 52 (в этой строфе 2 раза), всего ровно 10 раз. – 32. Und *Batschka* sein Gestalt War böse anzuschau'n «И батюшка (крестьянин, хозяин избы, в которую во время зимовки был направлен Платен) видимо, был сердит». Сверх того *Batschka* еще в строфах 33, 37, 39, 41, 49, 51 и 52 (здесь 2 раза) – всего 9 раз. 34. Sah ich den Russenmann Und auch die *Baba* an «Посмотрел я на русского, а также на бабу» (т.е. его жену). *Kapusta, Quast*, «капуста, квас»... und wenn sie dann *gekuscht* «и после того как покушают», 47. *Gorsckonk und Badeika* - Wie wir die Topfthun nennen, «горшок и бадейка»...

Среди перечисленных слов нужно различать две категории. Первая, это те слова, которые и поныне еще в употреблении у поволжских немцев¹¹ *Werst* «верста», *Quast* «квас», *gekuscht* (прич. прош. к заимствов. глаголу *gusche, guschde*), *Matschka, Batschka, Baba*, из которых *Matschka* часто, а *Batschka, Baba* и *gekuscht (geguscht)* всегда, употребляются в ироническом смысле. Слово *Baba* употребляется там, где я его встречал, лишь знающими русский язык, т.к. обычное слово для обозначения русской женщины не *Baba*, а *Matschka*. К сожалению, мы для времени написания поэмы Платена не можем приурочить этих слов к определенному месту, хотя из документов, цитируемых П. И. Зиннером в вышеупомянутой статье, явствует, что Платен вначале был батраком в с. Гуссенбах, далее шультейстером (т.е. учителем и кистером) в с.с. Денгоф и Иост. Но важно то, что ныне употребительные заимствования

⁸ Рукопись Платена не сохранилась.

⁹ Цитируем по Клаусу. Цифры обозначают строфы поэмы.

¹⁰ Русские заимствования подчеркиваются нами (выделяются курсивом – прим. ред.).

¹¹ Здесь, как и в большинстве дальнейших случаев, мы ограничимся указаниями на факт сохранения в современных диалектах поволжских немцев засвидетельствованных в старых памятниках заимствований вообще. Точные указания о географическом распространении русских заимствованных слов мы даем в нашем словаре русских заимствований, приложенном к упомянутому на стр. 195 исследованию, и на картах подготовляемого нами Лингвистического атласа волжско-немецких диалектов.

засвидетельствованы для XVIII-го века у представителя интеллигентного слоя поволжских немцев. Этот слой, в общем, понятно, скорее осваивался с русским языком, чем основная масса населения, и от него уже, видимо, попадают многие заимствования к этой основной массе крестьянского населения. Таким образом, начало процесса проникновения русских заимствований через более интеллигентные слои поволжских немцев приблизительно может быть относимо к 1766 году. Вторая категория употребляемых Платеном слов это те, которые ныне, насколько нам известно, не употребляются: капуста, горшок, бадейка. Из стихов Gorsckonk und Badeika - *Wie wir die Topfthun nennen* с несомненностью явствует, что Платену нужны эти слова в целях стилистических, для придания русского языкового колорита тем местам его поэмы, в которых он говорит о русской жизни. Ту же цель, очевидно, сознательно преследует и употребление слова *Kapusta*, а также других заимствований, кроме, может быть, слова *Werst* «верста»¹².

2) В книге **Beratz'a** «*Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung*». Saratow. 1915 (в цитатах его из ряда недоступных нам старых рукописей 18-го и начала 19-го веков мы находим очень любопытные русские заимствования¹³).

А) В ответе одной колонии (Бератц, к сожалению, не указывает, какой) на запрос Саратовской конторы опекунства иностранных поселенцев от 1767 года о том, «не пожелают ли колонии сами построить

¹² П.И. Зиннер в упоминавшейся уже статье утверждает: «Платен также, правда, шутки ради, но все же очень удачно, употребил (*hat aufgenommen*) ряд русских слов *Batschka* (mindestens 10 ma 1), *Matschka* (ebenfalls), *Russenmann*, *Baba*, *gekusch* (*zu kuschatj essen*), *rusche* (russiche), *Hans Batschka*, *Gorsckonk* (*Topf*), *Badeika* (*Milchnapf*) и.а. Эти выражения и поныне употребляются здесь на Волге [т.е. у немцев Г. Д.] в той же форме и [в том же] значении, т.е. в ироническом смысле (*ironisch*). — К этому утверждению несколько замечаний: 1) утверждать, что слова *russich*, *Russenmann* слова русские, по меньшей мере, смело. Ср. Преображенский «Этимологический словарь русского языка» под словом Русь. 2) Слова *горшок*, *бадейка* нигде не встречались мне в старых селах (числом 101), хотя как раз эти слова включены в мою анкету, заполненную во всех этих селениях на месте. 3) Утверждение об ироническом употреблении русских слов и у Платена, и у современных пов. немцев справедливо, таким образом, за вычетом неупотребительных ныне *Gorschok* и *Badeika* и слов *russisch* (*rusch*) и *Russenmann*, лишь в отношении четырех перечисляемых П.И. Зиннером слов: *Batschka*, *Matschka*, *Baba*, *gekusch*. 4) Опустивши неупотребительное ныне *Kapusta* и слова *Quast*, *Werst*, которые в настоящее время употребляются совершенно также просто, как, скажем, *Milch*, *Haus*, *Zoll*, и поставив на их место «и. а.», то есть, «и др.», П.И. Зиннер получает возможность утверждать, что «эти выражения и поныне употребляются, в ироническом смысле (*ironisch*)». Мы не стали бы останавливаться на утверждениях П.И. Зиннера так подробно, если бы они не были помещены под обязывающим к полноте перечисления заимствований заголовком *Die Sprache*, тем более что этой полноты было легко достичь.

¹³ В дальнейшем мы даем написания этих слов так, как публикует их Бератц, который, как мы убедились на его цитатах из *Stallbaum'a* (см. ниже стр. 209), не сохраняет отличных от современной орфографии написаний рукописей.

дома», которые согласно манифеста должны были быть построены за счет правительства, мы читаем: ...nur verlangen wir zuwissen ob mit... eigenen *Plotniken*... (см. Beratz, стр. 78). Из этой цитаты заключаем, что слово «плотник» уже с самого момента поселения поволжских немцев в России входит в их речь. Это представляется тем более вероятным, что основная масса их, судя по диалектам, выселилась из таких мест (нынешние Гессен-Дармштадт, Гессен-Нассау, баварский Пфальц, северный Баден, северо-западный угол Баварии около г. Ашафенбурга, юго-восточный угол Рейнской провинции около г. Кройцнаха¹⁴), где при постройке домов в употреблении почти исключительно так называемый фахверк¹⁵, здесь же в России им пришлось ознакомиться с иной техникой постройки домов – со срубом (Blockbau), который к тому же возводился для первых поселенцев русскими плотниками. Слово плотник ныне употребительно во всех новых немецких селах. См. п. 6.

В) В цитатах, приводимых Бератцом из *Chronologische Anmerkungen* студента Меринга (Möhring), жившего сначала в с. Иост (основанном в 1767 г.), а в 1775 г. назначенного в с. Шталь на Карамане шульмейстером, (его заметки опубликованы в журнале *Friedensbote* за 1901 г.; я его достать не мог¹⁶), мы находим: 1769 bekam ich auf den Januar, Februar und März jeden Monat 6 *Pudowki Roggenmehl* zum Unterhalt... (см. Beratz, стр. 82). В другом месте у того же Меринга (Beratz, стр. 96): ... den 14. Mai (1768) bekam ich die ersten Saatfruchte: 2 *Kuhl 4 Pudowki Weizen*...» «1768 den 6. Juni bekam ich Eisengerate als: 1 russischen Pflug...»

С) Несколько отступая от хронологии, упомянем здесь помещенную у Бератца на стр. 97 немецкую таблицу долгов колониста из какого-то села Тарлыцкой группы¹⁷ (Бератц села не указывает) Вильгельма Шульц от 1767 до 1775 года, в которой фигурируют названия мер *Tschetwert* «четверть» и *Tschetwerik* «четверик». Наличие в официальном документе слов четверть и четверик, а в частном (у Меринга) куль и пудовка для обозначения одних и тех же мер (ср. Даль «Толковый словарь жив. вел. языка» под словами куль и пудовка) является весьма характерным. Оно уже для восемнадцатого века в области заимствованных слов обнаруживает разницу между языком канцелярским и народным у поволжских немцев. А что именно слова куль и пудовка должны почитаться словами народными и для XVIII века, в этом нас убеждает наличие этих слов в народной речи и в настоящее время. Однако, слово куль в Палласовском кантоне, например, имеет значение меры в четыре

¹⁴ См. мою статью «Von unseren Mundarten» с картой диалектов пов. немцев в *Beitrage zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets*. Pokrowsk 1923, стр. 60 сл. и особенно стр. 69 сл.

¹⁵ Ср. O. Lauffer, *Dorf, Haus u. Hof* (=Deutsche Volkskunde, hg. von J. Meier, Стр. 15-65), стр. 41 сл.

¹⁶ См. однако, корректурную заметку № 1 на стр. 235.

¹⁷ Под Тарлыцкой группой подразумеваю немецкие села, расположенные по левому берегу Волги к югу от Покровска. начиная от с. Брабандер до с. Ной-Колони.

пуда, точнее мешка пшеницы, напр., в 4 пуда (n Kuhl Waaz), тогда как во всех немецких селах, расположенных выше Покровска, урожай и по настоящему время измеряется четвертями (точнее: единицей меры, равной восьми пудам), для которой принято, правда, немецкое обозначение Sack. Слова же четверть и четверик встречаются в дальнейшем почти обычно во всех официальных немецких документах, в которые, однако, иногда проникают и слова куль и пудовка. – Что касается цитированного выше под В «1 russischer Pflug», под которым очевидно, следует подразумевать соху, то о нем см. ниже под п. 6 (Stallbaum).

D) В цитате Бератца (стр. 137) из циркуляра Конторы от 12.8.1767 читаем: *zufolge Ukase* «согласно указа». Это слово удерживается в немецких документах Конторы до ее ликвидации. – E) в 1769 году русское правительство издает законоположение под заголовком «Инструкция, по которой все новопоселенные иностранцы поступать должны и т. д.». Полный русский текст этой инструкции напечатан проф. Г. Г. Писаревским вместе со вступительной статьей в Варшавских Университетских Известиях за 1913 г. Немецкий текст ее упоминает и часто цитирует G. Beratz в своей книге, указывая (на стр. 298), что он относится к 1770 году. Этот немецкий текст был разослан всем сельским управлениям колоний, и русские заимствования, имеющиеся в нем, естественно должны были войти, прежде всего, в язык чинов сельских правлений. Нам, к сожалению, не удалось разыскать немецкого текста этой инструкции. На стр. 132 сл. своей книги Бератц цитирует из Инструкции: ... sollen die Verbrecher in denen Kolonien bestraft werden. Zuletzt und wenn nicht anders möglich ist, mit *Schlepen* in ihren eigenen Wohnplätzen – преступники в колониях должны быть наказываемы... В конце концов, и если это иначе не окажется возможным, шлепами в их собственных дворовых местах».

E) «Инструкция», отличающаяся крайней суровостью, вызвала естественный протест колонистов. На этот протест воспоследовало разъяснение Конторы. Из этого разъяснения мы видели лишь отрывки, цитируемые Бератцем, и один отрывок, напечатанный в № 53 Саратовской *Volkszeitung* за 1914 год. В этом последнем отрывке мы находим *Schleppen* и *Vadogen*, т. е. шелепы и батоги. Любопытно, что слово батоги в «Инструкции» не упоминается; судя по тому, что оно имеется в ответе Конторы на протест колонистов, нужно думать, что оно имело уже в протесте колонистов. На основании этого можно думать, что, по крайней мере, наиболее интеллигентной части поволжских немцев, бравшей на себя защиту интересов основной массы их, слова эти были известны. Ср. к этому еще показания Цюге под п. 3. В современной народной речи эти слова мной не обнаружены. В одном из отрывков разъяснения конторы, цитированного у Бератца (стр. 124), мы читаем: *Es ist wahr, dass viele Kolonisten... weder Brot backen noch Kwas machen können*. «Верно, что многие колонисты не умеют ни хлеба испечь, ни квасу сделать». Слово квас встретилось нам уже у Платена. Заимствование слова квас вполне понятно, т. к. обозначаемый им напиток неизвестен был немецким колонистам на их прародине. Тот факт, что «Инструкция» 1769 года уделяет этому напитку особое внимание,

что колонисты его упоминают в своем протесте (называя его, очевидно, его русским именем), а Контора в своем, написанном на немецком языке, циркулярном разъяснении опять обозначает этот напиток русским словом, и всеобщее распространение этого слова (вместе с напитком) в настоящее время позволяют думать, что слово это уже в XVIII веке было общеупотребительным у поволжских немцев. Ср. к этому еще п. 3.

Ф) В 1803 году издается новая переработанная «Инструкция». В одной из цитат Бератца (стр. 166) из немецкого ее перевода мы находим: ...eine halbe *Pudowka*... eine halbe *Garnitz*... Здесь впервые видим среди русских заимствований слово гарнец. Оно и поныне еще употребительно в языке мельников (например, в с. Блюменфельд), т. к. гарнцем на ветряных мельницах отмеряется зерно, полагающееся за помол. Характерно, что на паровых мельницах мне не встречалась эта мера. С введением метрической системы, все эти меры – и гарнец и четверик или пудовика, и четверть или куль – обречены на вымирание.

Г) После ревизии сенатора Габлица в 1802 году старшим судьей Саратовской Конторы назначается Рогенбуке, пробывший в этой должности около 10 лет. В одном из своих приказов (Бератц на стр. 115 приводит его полностью, к сожалению, без указания даты) оберфорштергеру (старшине) Тарлыцкой волости Вульффу, он грозит последнему за невыполнение его острогом: ...dass ihr, Obervorsteher... im *Ostrog* so lange sitzen sollet, bis eure Kolonien euch loskaufen «... что вы, оберфорштергер..., будете сидеть в остроге до тех пор, пока вас не выкупят ваши колонии». Таким образом, официальный язык Конторы не только знакомит колонистов с русскими названиями орудий наказания (см. выше под 2, Е), но и с русскими названиями мест заключения. Слово *Ostrog* налицо у поволжских немцев и до настоящего времени и, видимо, повсеместно¹⁸.

3. Едва ли не самым богатым источником для нашего вопроса является книга *Der russische Colonist, oder Christian Gottlob Züge's Leben in Russland. Zeit und Naumburg. 1802. 1803. VI+214+260* стр. Ее автор, подмастерье Цюге, уроженец г. Геры в Тюрингии, видимо, в 1765 году присоединяется к транспорту колонистов, направленных через г. Любек морем в Россию под предводительством некоего Кратцки (*Kratzky*), первого старосты одноименной колонии (ныне *Kratzke*), основанной в 1766 году на нагорной стороне. Пробыв короткое время в колонии Кратцке и около семи лет в г. Саратове, Цюге тайком отправляется обратно в Германию и в самом конце 1774 года (именно 3-го декабря) прибывает в свой родной город Геру. Конечно, те заимствования, которые мы встречаем в сочинении Цюге являются в первую голову словами его собственного языка, точнее, языка его книги. Однако, им, несомненно, присущи известная типичность. Цюге (наподобие Платена) живой пример немца-переселенца, который при появлении своем в России внимательно приглядывается к фактам русской жизни и, говоря о них, употребляет для их обозначения русские

¹⁸ В моем словаре русских заимствований это слово засвидетельствовано из сел, расположенных в разных местах волжско-немецкой территории.

слова. Что он в этом смысле не одинок, об этом свидетельствуют и Платен, и студент Меринг, о которых уже говорено, и Бат, и Штальбаум, и др., о которых речь впереди. Русскими словами Цюге обозначает, естественно, те явления, которые для него новы, но, понятно, не только для него, но и для всей массы первых немецких поселенцев. Ценность русских заимствований его сочинения усугубляется тем, что они почти все налицо или в современном языке волжских немцев, или в других памятниках, нами исследованных для нашей темы, чем подтверждается наше указание на типичность заимствований Цюге. Причины, которые побуждали Цюге делать русские заимствования, действовали, примерно, в той же мере и на других немцев-колониистов, стоявших приблизительно на той же ступени развития, что и он. Привожу встречающиеся у Цюге русские слова в том порядке, в каком они встречаются в тексте. Это нам покажет, как шаг за шагом новые для первых немцев поселенцев факты русской жизни один за другим приковывали к себе впервые их внимание.

Часть 1,53¹⁹: Als der *Soldat* auf unser Schiff kam, nahm er das Gewehr auf die Schulter, machte drei Kreuze und rief: ...*hospody bomile* «когда солдат вошел на наш корабль, он взял ружье на плечо, трижды перекрестился и воскликнул: .. господи, помилуй». Слово *hospody bomile* употребляют и в настоящее время, когда хотят показать, как молятся русские.

– 1,53: Jetzt näherte sich unserem Schiffe ein kleines Kahn, in welchem sich nur eine einzelne Frauenperson befand, die uns *Kolatschy*, einer Art kleiner, weißer Brode von sehr gutem Geschmacke zum Verkaufe anbot. «...Теперь приблизился к нашему кораблю маленький чолн, в котором находилась лишь одна женщина, предлагавшая к продаже калачи, род маленьких белых хлебов очень хорошего вкуса». Слово *Kalatsch, Galatsch* является, согласно показаниям нашей анкеты № 2, в настоящее время почти общераспространенным в старых селах луговой стороны к югу от Маркштадта и южнее г. Покровска и широко распространенным на всей нагорной стороне.

– 1, 56: Über diesem Kleide, *Serrevahn* genannt, tragen die wohlhabenderen oder galanteren Russinnen eine *Fufei* oder kurzen Mantel mit Armlochern. «...Поверх этого платья, называемого серефан (т. е. сарафан), более состоятельные или более галантные русские женщины носят фуфай или короткий плащ с проймами». Слова фуфай в языке поволжских немцев я не встречал. Видимо, Цюге имеет ввиду городских женщин, следящих за модами, когда он говорит о «состоятельных» и «галантных» женщинах, а с ними поволжские немцы, естественно, мало сталкивались. Наоборот, слово сарафан, как заимствование, известно и по настоящее время, но в качестве обозначения одежды, употребительной у русских. Это в ходе нашего исследования уже второй пример этого рода слов. Заимствование таких слов и дальнейшая их жизнь свидетельствуют о непрерывности и длительности воздействия фактов

¹⁹ Цитирую с точным сохранением текста Цюге, который содержит ряд диалектизмов.

русской жизни на поволжских немцев, а, следовательно, и о довольно тесном соприкосновении их с этой жизнью.

– 1,60: (ich) besuchte auch öfters die *Kabacken* oder öffentliche Schenkhauser «я нередко посещал кабаки или публичные питейные заведения» сообщает Цюге о своем пребывании в Ораниенбауме. *Kabacke* у Цюге еще 1, 133, 135 и др. Слово *Kawak* является ныне общераспространенным.

– 1,94: Besonders gut schmeckten mir die *Phliny-Garetschy*, eine Art Kuchen... in eisernen Pfannen gebacken «особенно нравились мне на вкус блины-горячи, род кухен..., испеченных на железной сковородке». – Там же: *Piroschy-Garetschy...* «пирожки-горячи». Особенности русской кухни, определяемые совершенно иными хозяйственно-бытовыми условиями, естественно бросались в глаза немецким переселенцам. К тому же та группа колонистов, с которой следовал Цюге зазимовала в с. Паншине (Panschyna) Симбирской губернии, где, понятно, при ежедневном общении с местным населением, близко познакомилась с русской крестьянской кухней, с ее пирогами и блинами. Слова *Bline* и *Birok* слова живого современного языка поволжских немцев, причем *Birok* в разных значениях по разным местам; вместе с тем пироги и блины являются общепотребительной (хотя блины и более редкой) пищей.

– 1, 132: (ich) trieb mich öfters in der Kosakenstadt herum... Ich erkundigte mich nach den Sitten und Gebräuchen der *Kosaken*... «Я довольно часто слонялся по Казачьему городу (автор имеет ввиду Покровск). Я справлялся о нравах и обычаях казаков» (автор говорит об украинцах-солевозах, составлявших коренную часть населения Покровска). Это место у Цюге нам ценно не только потому, что дает нам название известного социального слоя, но и потому, что оно объясняет нам, почему волжские немцы г. Покровск называют *Kosakenstadt*. Ср. к этому еще п. 5 стр. 209.

– 1, 133: Die Schreiber bekommen zuweilen sogar die *Pletky*... «Писцы иногда даже наказываются плетками»... сообщает Цюге о служащих Саратовской Конторы опекунства иностранных поселенцев, находившейся тогда под начальством Гавриила Ивановича Рязанова. Ср. к этому *Plet* в п. 12 стр. 220. Слово это у Цюге еще 1, 200, 201, 202 и др. Цюге дает уменьшительную форму, которая имеется еще у Бауэра (п. 12, стр. 220). Имеется ли эта форма в современных волжско-немецких диалектах, об этом данных у меня нет.

– 1, 139, 140: Bequemer zu reisen, versah ich mich mit einem Wagen, der nach russischer Art eine *Kibitke* hatte «Для удобства путешествия я завел себе телегу, которая по русскому обычаю была снабжена кибиткой» – пишет Цюге о своем путешествии из Саратова до того места, где должна была быть основана колония Кратцке. Можно думать, что не только Цюге, но и другие переселенцы завели себе кибитки для этой части своего пути. Слово это в формах *Kiwitke*, *Kibitke*, *Kawitke* известно мне из немецких сел нынешнего Палласовского кантона, в с. Preuss и др. В немецких селах Палласовского кантона кибитка больше известна, как употребляющаяся у цыган, у русских нищих и русских-торговцев мелочью (преимущественно галантереей), разъезжающих на телегах,

снабженных кибиткой. Немцы заводят себе кибитки лишь в случаях переселения, например, на Кавказ или Сибирь, когда они отправляются туда на телегах.

– 1, 153: Die Russen riethen uns *Simlinken* zu bauen «Русские посоветовали нам построить землянки». К постройке землянок было принуждено большинство первых немецких поселенцев, т. к. казенные дома, обещанные правительством, лишь в немногих случаях были уже выстроены, о чем свидетельствуют все хронисты: Bath, Stallbaum, Schneider (см. ниже п. п. 5, 6, 8). В настоящее время это слово у поволжских немцев в широком, но не всеобщем, употреблении.

– 1, 170: ...wollte sich das letzte deutsche Kleidungsstück nicht mehr zusammen flicken lassen, so schaffte man sich statt dessen einen russischen *Kaftan* an... «если последнее оставшееся немецкое платье нельзя было зашить никакими заплатами, то приобретали себе на его место русский кафтан». Цюге, отметим кстати, употребил форму множественного числа в значении единственного. Слово это живо и ныне. На этом примере особенно очевидно, как жизненные обстоятельства заставляли первых поселенцев заводить себе русские вещи, и вместе с тем, если этих вещей ранее они не знали на своей немецкой прародине, перенимать и русские названия их.

– 1, 178: Auch fangt man Store, Hausen und *Beluhschen* «Ловят также осетров, белуг и «белуж». Здесь автор, очевидно, забыл, что белуга и Hausen одно и то же. Форма *Beluhschen* образована от основы прилагательного белужий. Слово неизвестно. Зато известно ныне поволжским немцам другое слово, упоминаемое Цюге на той же странице: *Kaviar* oder, wie es die Russen nennen, *Ikra*... dient... nur geringen Leuten zur Fastenspeise, weil er nicht von der Gute ist, die der Kaviar anderer Gegenden... hat кавиар или, как русские его называют, икра служат лишь людям низшего круга пищей во время поста, так как он худшего качества, чем кавиар других мест». Здесь Цюге имеет в виду икру, добытую из волжской рыбы, которую ловят около Саратова. Обращает на себя внимание то, что у Цюге имеется свое нерусское слово для обозначения икры. Мне заимствование икра известно из сел Палласовского, Каменского, Бальцерского и Зельманского кантонов. Следует отметить, что соленую консервированную икру немцы этих мест едят лишь в исключительно редких случаях и слово икра, видимо, обозначало исключительно явление русской жизни. Едят, правда, не всегда, икру свежепойманной рыбы, при чем ее жарят тем же способом, что и рыбу.

– 1, 184: Noch lieber verzehrten sie eine Art von Melonen, welche *Arpusen* genannt werden, und von einem sehr angenehmen Geschmacke sind. «Еще охотнее едят они (т. е. русские) род дынь, которые называются арбузами и очень приятны на вкус». Цюге, побывавший лишь одно лето в только что основанной колонии, едва ли мог видеть, что его односельчане разводят арбузы. Упоминает он арбузы при описании Саратовских садов и огородов. Можно, однако, не сомневаться, что не только Цюге, но и всем другим немцам бросался в

глаза арбуз, и что еще в то время почти во всех селах заимствовано русское название его²⁰. Согласно данным Г. Г. Писаревского хозяйство и форма землевладения в немецких колониях Поволжья..., стр. 15, арбуз еще в XVIII веке разводили в части колоний, расположенных выше Маркштадта, (ср. п. 4, стр. 208).

– 188, также 2, 252; *Quaas*, welches eine Art Haus- oder Kesselbier ist... «квас, который есть род домашнего пива или пива, вареного в котле». Мы не станем спорить с Цюге о способах приготовления русского кваса. Важно лишь то, что он, как опять-таки другие, в том числе и Платен (см. п. 1, стр. 198) для русского изделия употребляет русское слово, широкое и в настоящее время налицо у поволжских немцев в широких географических пределах. Долгота в слове квас у Цюге, обозначаемая двойным написанием а (*Quaas*), может объясняться тем, что русское а (в абсолютном смысле), звук более долгий, чем немецкое краткое а, в нашем же случае скорее всего тем, что Цюге часто слышал это слово на базаре и около бань, где сидели торговки квасом, протяжно выкрикивая это слово, как это они делают и ныне. В современных говорах поволжских немцев там, где я слышал это слово, звук а краткий.

– 1, 200: Die *Koschki* unterscheidet sich von der *Knute* dadurch, dass sie einen langem Stiel hat, und der Riemen nicht, wie bei dieser unten spitzig zulauft, sondern durchaus gleich ist. «Кошки (Цюге и здесь употребляет форму мн. ч. в значении единственного – явление, наблюдаемое нередко в заимствованиях) отличается от кнута тем, что у нее кнутовище длинное и ремень, в отличие от кнута, не заострен, а совершенно одинаковой ширины на всем своем протяжении». Ни в других известных нам документах и памятниках, ни в современных диалектах нет этого слова. Цюге упоминает это и другие орудия наказания, как и уже упоминавшиеся плетки, в связи со своими наблюдениями над жизнью в городе Саратове.

– 1, 202 (1, 203): Vorläufig will ich noch die *Podoggen*²¹ erwähnen, die man in Russland bei militärischer Strafe braucht. Dieses sind einer halben Eile lange Stäbchen, eines kleinen Fingers stark. «Пока что я хочу еще упомянуть о батогах, употребляемых в России в качестве орудия наказания в войсках. Они длиной приблизительно в полэллы (Елле равняется приблизительно аршину) и толщиной с мизинец. «Применялись ли батоги в качестве орудия наказания провинившихся колонистов, сказать трудно. Как уже указано под пунктом 2, «Инструкция» не знает батогов, тогда как в протесте колонистов они упоминаются. Представляется с первого взгляда странным, что Цюге как будто не упоминает шелепов, которыми наказывались провинившиеся немцы-поселенцы, согласно «Инструкции». Но Цюге, очевидно, имеет их в виду, когда он (1, 203)

²⁰ Ср. к этому прилагаемую при сем карту и объяснения к ней (в конце).

²¹ В *Podoggen* странным представляется начальное п—и о предударное. Последнее, возможно, орфографическое антиаканье, для начального же «п» сравни потожок «кнутовище» у Преображенского в его «Этимологическом словаре» под словом, батог. Но, может быть, потожок есть результат скрещения слов батожок и посошок?

говорит: *Statt der Podoggen bedient man sich auch zuweilen langer Ruthen gleich den bei unsern Militair gewöhnlichen Spießruthen.* «Вместо батогов употребляют также длинные хворостины, подобные шпичрутенам, употребляемым в наших войсках». Здесь Цюге, как это явствует из текста, имеет дело со знакомым предметом, отчего он и не заимствует для него русского слова. Что, однако, шелепы «Инструкции» представляют собой хворостины (прутья), в том убеждает нас, во-первых, то, что наказание именно прутьями (*Ruten*) сохранилось у поволжских немцев до 1790-х годов, очевидно, в соответствии с «Инструкцией», а, во-вторых, то, что слово шелеп действительно, помимо других, имеет, согласно словаря Даля, и значение хворостины²².

– 1, 209: *Piroken...* eine Art Pfannen-Kuchen, mit Quark, klein gehaktem Fleische oder Fischen gefüllt «Пирог... род оладий (точнее: кухен, приготовленных на сковороде) с начинкой из творога, или из измельченного мяса, или рыбы». О пирогах см. выше стр. 203, где речь о пирожках.

– 1, 210: *Die Popen* «попы». 2, 110: *der Pope*. Слово *Popp* «поп» и ныне употребительно во многих селах, как слово, обозначающее факт русской жизни.

– 2,56: *Dieses wurde Ostrog genannt* «Это называлось острогом». Острогом угрожает, как мы видели, Рогенбуке тарлыцкому старшине. Цюге же подчеркивает в своей книге, что немцев-колонистов в остроги не сажали. Это показание имеет, конечно, цену только для времени пребывания Цюге в г. Саратове. Ныне это слово живо среди волжских немцев и в моем словаре, как уже указано, засвидетельствовано из ряда сел.

– 2,105: *Ich fragte...* nach der Wohnung des Schulzen oder Dorfältesten, welchen man *Starost* nennt «Я осведомился о том, где изба шульца или старшего в селе, которого они называют старостой». У Цюге это заимствование в качестве обозначения старосты в русском селе. Так это слово употребляется там, где мне его приходилось слышать, у волжских немцев и в настоящее время.

– 2, 122: *Tartar* «татары» 2, 123: *Mordwinen* «мордвины» и 2, 129: *Kalmücken* «калмыки» – всё это названия народов, с которыми колонисты впервые встретились в России.

– 2, 124: *Mit dem Namen Preuße, welcher hier Prusack, in Russischen aber Prasack lautet, wurde hier überhaupt jeder Deutsche belegt.* «Прусак (по-русски же прасак) здесь (т.е. у мордвы, Г.Д.) назывался вообще всякий немец, (перевозу не дословно Г.Д.). В отношении прасак Цюге возможно путает.

– 2, 222: *Masliza* oder Butterwoche «масленица или масляная неделя». Слово *Maslize* в качестве обозначения русского праздника также налицо в настоящее время.

²² У Даля это значение показано как северное. Наш пример показывает, что в XVIII веке это значение для слова шелеп было налицо и в Саратове, хотя бы только в канцелярском языке.

– 2, 228: Diese Räder, welche man *Katschalky* nannte, hatten den Umfang eines großen Wasserrades «Эти колеса, которые назывались качалками, имели объем большого колеса водяной мельницы» Цюге имеет в виду перекидные качели. Слова этого в такой форме я не встречал в современных волжско-немецких говорах. В смысле качелей неперекидных в некоторых селах отмечено *Gatschaaï*, проникшее, видимо, в эти села благодаря ярмаркам (ярмарочные качели). Конечно, прямой связи между заимствованием у Цюге и заимствованиями в некоторых селах луговой и нагорной стороны нет, но, судя по Цюге, при проникновении этого слова и в упомянутые села мы имеем дело с особым рода качелями, для обозначения которых и заимствуется русское слово. В дальнейшем русское слово было уже перенесено и на обычные качели, известные еще из Германии.

– 2, 229: Auf dem nehmlichen Plätze sah ich auch öfters ein Spiel, *Stratzy* genannt. «На той же площади я видел нередко игру, называвшуюся «драться» (характерно, как Цюге принимает инфинитив за существительное). Любопытно, что как раз слово драться также заимствуется поволжскими немцами, у которых оно, однако, употребляется (в пределах моих наблюдений) больше в ироническом смысле. Русская манера драться и русские кулачные бои должны были обращать на себя особенное внимание как первых поселенцев-немцев, что мы и видим у Цюге, так и последующих поколений их.

– 2, 231: Hat ein Russe Neigung zu einem Mädchen, so lasst er durch ein altes Weib *Schwaga* genannt, bei ihren Eltern werben «Если русскому понравится (какая-либо) девушка, то он посылает старую женщину, называемую свахой, свататься у родителей девушки». Слово сваха, поскольку мне известно, у волжских немцев в качестве заимствования не встречается. Очевидно потому, во-первых, что у них свах нет (есть лишь сваты), и потому еще, что они (за единичными может быть исключениями) не бывают на русских свадьбах. Цюге, живший в Саратове среди русского населения, естественно, ближе соприкасался с ним, чем немцы-колонисты, живущие в разбросанных по степи, отдаленных иногда на десятки верст друг от друга, чисто немецких селах.

– 2, 246: Gemeine Leute nennen sich *Batuschka, Matuschka...*, was ich in der Gegend von Saratow... verkürzt, wo es einen weniger schmeichelnden Sinn hatte, *Batschky und Matschky* aussprechen hörte «Простые люди называют друг друга «батюшка», «матушка»... что... в Саратовской стороне... сокращенно выговаривается «бачки», «мачки», имея, однако при этом менее лестное значение». Характерны опять формы множественного числа²³. Эти слова встречаются, как мы видели, в качестве заимствований уже у Платена. О значении, в котором они

²³ Свидетельство Цюге о формах мачка, бачка в Саратовской стороне представляется нам заслуживающим полного внимания. К этому доверию побуждают не только показания Платена и современные волжско-немецкие заимствования *Matschke, Batschke*, но и русские диалектические формы бачка, мацка с. Чучкова, Сапожниковск. у. Рязанск. губ. (см. Труды Московск. Диалект. Ком., вып. 3 стр. 64 (Словарь)).

употребляются, см. п. 1. – Там же у Цюге: Gegen Vornehme bedient man sich der Wörter *Gosudar und Gosudarinne*, welche eigentlich Kaiser und Kaiserin heißen, nach dem gemeinen Sprachgebrauch aber nicht mehr bedeuten als unser Herr und Madam. «По отношению к знатым употребляют слова государь и государыня, которые собственно значат император и императрица, по обычному же словоупотреблению значат не больше, чем наши господин и мадам». Слова эти не встречаются в диалектах волжских немцев.

– 2, 249: Auf diesen ziemlich harten Lagerstätten wird man häufig von kleinen schwarzen Käfern beunruhigt, welche *Turkanen* heißen «На этих довольно жестких местах для спанья довольно часто причиняют беспокойство маленькие черные жуки, называемые турканами (тараканами)». Что Цюге употребляет для обозначения черного таракана русское слово, не случайно. У Weigand'a *Deutsches Wörterbuch*, 5. Auflage, Giessen, 1910 мы находим под словом Russe: der Kleine schwarze Kuchenkäfer, in Russland häufig, zum Unterschied von der großem braunen Küchenschabe oder *Schwabe*²⁴ Видимо для Цюге черный таракан явление новое. Интересно, однако, что и хронист Шнайдер из Мариенталя, о котором речь будет ниже, говоря о тараканах, для обозначения их употребляет русское заимствование в виде *Tragonnen* (см. п. 8, стр. 212). У поволжских немцев я нигде не встречал немецкого слова для обозначения таракана. (О причинах этого см. также п. 8, стр. 212).

– 2, 251: Zuerst Kommt fast täglich ein Gericht auf den Tisch, *Aschy* genannt, das in einer Art von Suppe besteht, die aus Sauerkraut bereitet wird «На первое почти ежедневно подается кушанье, называемое «Аши» (т.е. щи; может быть в основе этой формы лежит народная форма ащи²⁵ род супа, приготавливаемого из кислой капусты) Как и блины и пироги, щи для первых немцев поселенцев представляли нечто новое, чего немецкая кухня не знала. Но если блины и пироги вошли в немецкий язык и обиход, то слово щи и до настоящего времени существует, например, в с. Блюменфельд, лишь в качестве обозначения русского кушанья.

– 2, 255: Alle Getreidearten verkauft man nach dem Gewichte oder nach einem Masse, welches *Pudowky* heißt und ein *Pud* ober vierzig Pfund enthält «Все виды зерна продаются на вес или на меру, называемую «пудовки» (Цюге здесь употребляет (с точки зрения современного языка) форму родительного ед. в значении им. ед.) и вмещающую пуд или сорок фунтов». Слова пудовка и пуд, как обозначения общегосударственных мер веса и сыпучих тел, естественно встретить и у Цюге, и в языке поволжских немцев. Следует все же оговориться, что абсолютной обязательности заимствования в подобных случаях нет. Так, для обозначения протяжения длиною в сажень у всех поволжских немцев употребительно слово *Faden*, а такое в сильнейшей мере подвергнутое русскому влиянию село, как Ягодная Поляна, вместо слова аршин,

²⁴ С этим любопытно сопоставить, что, наоборот, красный таракан в России носит название прусака. Правда, по Далю в Вологодской губ. прусаками называют больших черных тараканов.

²⁵ Ср. Труд. МДК. вып. 9, стр. 172: очеремуха; также стр. 152 ауторник.

употребляет слово Elle (в местном произношении с е долгим закрытием: Eel).

И у Цюге, подобно тому, как это имело место у Платена, возможно выделить заимствования, которые можно считать словами индивидуальными, словами лишь его книги. Сюда относим, на основании вышеизложенного: Fufei «фуфай», Beluhschen «белуга», Koschki «кошки», Schwaga «сваха», Gosudar, Gosudarinne, Prusack (Prasack) и в условном смысле, ввиду словообразовательных отличий: Phliny-Garetschy «блины горячи», Piroschy-Garetschy, «пирожки-горячи», Katschalki «качели». Остальные заимствования, употребляемые Цюге, т.е. основная масса их, налицо в поволжско-немецких диалектах и в настоящее время. Характер этих слов, их или всеобщее или большее, или меньшее распространение в настоящее время и наличие их в других старых источниках, — все это говорит за то, что слова эти не только являются заимствованиями отдельного лица, но что они уже в XVIII веке проникли и должны были проникнуть в народную речь.

4. В № 4-5 журнала *Unsere Wirtschaft*, Pokrowsk, 1922 напечатаны выдержки из **анонимной рукописи**, которые содержат статистические сведения, относящиеся к 1827 и 1828 годам. В этих отрывках мы встречаем следующие русские слова: *Beloturka* (русс. белотурка, название особого сорта пшеницы), *Tschetwert* (русс. четверть; об этом слове см. п. 2 (Бератц), (Е и С), *Arbusen* (мн. ч., русск. арбуз; об этом слове см. п. 3 (Цюге), *Bachtschu* (русс. бахча; обращает на себя внимание заимствование в форме винительного падежа), *Sarpinkasche Tücher und das Zeug Sarpinka* (о сарпинке см. особенно в систематическом отделе, стр. 226), *Prikastschiki* der Moskauischen und Petersburgischen Getreidehandler «приказчики московских и петербургских хлеботорговцев» (о слове приказчик см. также в систематическом отделе стр. 226). К сожалению, нам не удалось установить место происхождения этого памятника, но думаем, что он из какого-либо из сел, расположенных по луговой стороне Волги выше г. Покровска, ибо как раз там, начиная от сел Фишер и Паульского и севернее их, в настоящее время *Bachtschu* известно в старых колониях в качестве заимствования. (См. прилагаемую карту). Следует думать, что это слово, как и слово арбуз, заимствовано в этих селах в XVIII веке вместе с началом бахчеводства, в частности с началом разведения волжскими немцами арбузов. Все перечисленные выше слова, кроме слова четверть, употребительны в больших или меньших географических пределах и в настоящее время. Всюду распространены и употребительны слова сарпинка и приказчик.

Когда точно установилось для хлопчатобумажных легких тканей, выделявавшихся первоначально лишь в Сарепте, название сарпинка сказать трудно. Из книги А. Glitsch'a, *Geschichte der Brüdergemeinde Sarepta*. Sarepta, 1866 мы узнаем (стр. 136), что уже с 1774 года большая часть пряжи, необходимой для выделки сарпинки, прялась в Саратовских колониях (*Saratowschen Colonien*). Может быть тогда уже вошло в употребление и слово сарпинка там, где занимались этим прядением. Во всяком случае, наш памятник дает нам пока что самое старое прямое свидетельство наличия слова сарпинка у поволжских немцев.

Что же касается слова белотурка, то про него следует сказать, что оно по существу более всего употребительно (или было употребительно) в кругах, близких к хлебной торговле и у крупных посеvщиков, тогда как обычным обозначением этого сорта пшеницы является *türkischer Weizen*, употреблявшееся и указанной категорией лиц. (Об обозначении ee у А. Шнайдера см. п. 8).

5. В 1828 году написана шульмейстером с. Диттель (бывш. Олешня) **Иоганном Каспаром Батом** (*Johann Kaspar Bath*) замечательная хроника, содержащая целый ряд любопытнейших данных относительно мест происхождения, материальной культуры (постройки, одежда), языка и быта первых немецких поселенцев и, в частности, поселенцев села Диттель. Там сообщается, что первую зиму (1767 г.) колонисты этого села жили в землянках (*in Semalinken*). Если у Бата, владеющего сравнительно хорошо немецким литературным языком, в 1828 году не было своего немецкого слова для обозначения землянки, то следует думать, что не было его также ни у его односельчан в 1828 году, ни у первых поселенцев с. Диттель, прибывших из Германии в 1767 году и перенявших от русских этот род построек (Ср. к этому в п. 3 на стр. 203 свидетельство Цюге). Это следует думать тем более, что свидетельство Бата имеет в виду как раз год основания его родного села. То же следует сказать и о слове кафтан (у Бата *Kaphtan*), обозначающем род верхней одежды, перенятой от русских, и опять-таки засвидетельствованном у Цюге. Кроме того, Бат употребляет еще слово *Putofka* «пудовка», *Buth* «пуд», которые рассмотренными нами выше памятниками (см. п. 2 и 3) засвидетельствованы уже для XVIII века, и далее, вместо копейка такие формы, как *Карека* (интересно а в предударном слоге, как отражение русского аканья), *Сорека*, *Сорке* и *Сопие*, из которых лишь последняя соответствует нынешнему живому словоупотреблению *Kobie*, *Gebie* тогда как формы *Карека*, *Сорека* следует признать попыткой Бата возможно ближе передать русское произношение нашего слова. (*Сорке* может быть описка). Далее мы у Бата встречаем слово *Denisch* из русского денежка, а также *Dessantinne* «десятина». *Step* «степь», *Kasaken* oder *Kochollen* «казаки или хохлы». Любопытно здесь отождествление казаков и украинцев (хохлов), которое нам встретилось уже у Цюге. Русские деньги (копейка, денежка), степь, с которой впервые сталкиваются немцы-переселенцы, русская мера площадей (десятина), русские обозначения племен (хохлы) и военно-служилого сляя, почти племени (казаки), – все это ново, все это естественно предполагает заимствование русских обозначений их. Все заимствования Бата налицо и в настоящее время в селе Диттель, слово *Denisch*, однако, лишь в обороте: *Der is noch kan Denisch wert* «он не стоит и денежки, т. е. он никуда не годится». Мы едва ли ошибемся, если будем считать, что все заимствования Бата во время написания его хроники были словами народными. Слово *Denisch* в настоящее время является пережитком, т. к. монета денежка уже давно вышла из употребления. В моем словаре русских заимствований оно засвидетельствовано лишь один раз в рассказе Gibraltar'a (Е. Kufeld), помещенном в Саратовской *Volkszeitung* за 1913 год, № 42, что не исключает более широкого его распростране-

ния. Другие же слова находятся или во всеобщем (десятина, хохол, казак, копейка, степь, пудовка) или в весьма широком употреблении (кафтан, землянка).

Части хроники Бата опубликованы в № 7, 8 и 9 Саратовской Deutsche Volkszeitung за 1906-07 год.

6. 1 мая 1830 года закончил свои записки колонист с. Боаро **Август Штальбаум** (August Stallbaum). Они опубликованы в журнале Maistube: № 5, Pokrowsk, 5. April 1925, а небольшой отрывок их также в журнале Unsere Wirtschaft 1922, № 7. Цитирую по журналу Maistube. В них мы находим также ряд очень любопытных заимствований. Von St. Petersburg aus bis Loos des Etablissements (sollte erhalten) der Mann 15 *Koreeken*, eine Frau 10 *Koreek* und ein Kind 6 *Koreek* «должны были получать начиная от Петербурга до места их поселения мужчина 15 копеек, женщина 10 копеек, ребенок 6 копеек», (очевидно в день). – Die Kolonisten... gingen zum *Woynot* «колонисты... пошли к воеводе». Слова воевода сейчас нет в говорах поволжских немцев. То обстоятельство, что колонистами управляла вначале (до 1766 г.) Саратовская воеводская канцелярия²⁶, заставляет предполагать, что, по крайней мере, в кругах административных это слово было известным и употребительным. С учреждением губерний в 1782 году слово воевода было обречено на естественное отмирание. – Es war ein jeder Russ *Plotnik*, der das Beil heben konnte «Тут каждый русский, который умел держать топор, был плотником». (См. об этом слове п. 2.). Показание Штальбаума лишь утверждает нас в том мнении, что заимствованное слово плотник рано стало общепринятым в крестьянской среде. – Die Gerätschaften, so jeder empfing, war 1-tens ein Pflug, der bestand in 2 *Zochna-Schaar* und das eiserne Schippchen zum Streichbrett, das Holz sollte sich ein jeder dazu machen, welches noch kein Deutscher betrachtet hatte «Орудия, которые каждый получил, это было, во-первых, плуг в виде двух сошников (буквально лемехов для сохи) и железной лопатки для полицы, деревянные же части каждый должен был сделать для себя сам, хотя ни один немец их еще не видел». Эта цитата для нас особенно интересна, потому что она в наивном изложении Штальбаума воскрешает перед нашими глазами одну из ситуаций, которых было немало в то время в жизни немцев-переселенцев: колонисты сталкиваются с вещами, которых из них еще никто не видел, и – перенимают для них русские названия. Сама же форма *Zochna* (т.е. соха) с начальным ц стоит в параллели с такими случаями, как *Zidelka* «седелка», *Zuchaar* «сухарь» и др. в современных волжско-немецких диалектах. (*Zochna* может быть опечатка вместо *Zochen*). По G. Bauer'y Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga, Saratow, 1908, первые колонисты употребляли соху до 1770 г. Возможно, что это справедливо для села Бальцер, родины Бауера, для Боаро же, однако, положение вещей было иным, как видно из следующего показания Штальбаума: Was aber bemittelte Leute waren, die machten sich

²⁶ Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации России в 18 веке. Москва, 1909, стр. 195.

Pfluge oder ließen sie machen und beschlagen... Nun wollte ein jeder seinen Pflug beschlagen haben, nach seiner Landes Sitte «Состоятельные же люди делали себе плуги или отдавали их делать и обивать железом... «Тут каждый хотел, чтобы ему обили плуг по обычаю его страны». Так или иначе, но соха была очень недолго в употреблении у волжских немцев. Слово же для обозначения сохи, и притом как явления материального быта русского населения, сохранилось до настоящего времени. – 2 Kamuther «2 хомута». Обращает на себя внимание то, что Штальбаум вместо старого заимствованного слова *Kummet*, занесенного из Германии, употребляет форму, прямо восходящую к русскому хомут в указанном произношении. Форму *Kamuth* следует считать формой индивидуального словоупотребления Штальбаума.

– ...ein *Pitschowka* «одна бичевка». – Von der Obrigkeit wurde Samenjede Familie gegeben «12 *Budofka* Weizen, 12 Hafer, 4 Gerste, 2 Buchweizen, ein halber Hirse; im Herbst zwei *Sack* Roggen. «Правительство дало каждой семье семян пшеницы 12 пудовок, овса 12, ячменя 4, гречихи 2, проса; осенью два мешка (т. е. четверти) ржи». В этой цитате нам интересно не столько уже несколько раз встречавшееся слово «пудовка», сколько слово *Sack* в значении куль. О теперешнем распространении слова *Sack* в значении куль, четверик см. п. 2 С. В пределах указанной там территории находится и с. Боаро. – Was aber bemittelte Leute waren, die... kauften sich Pferde von den *Kalmücken* «Состоятельные покупали себе лошадей от калмыков». Это указание, как и выше цитированное указание о том, что состоятельные не стали употреблять сохи, показывает, что уже с момента основания колоний было налицо известное социальное расслоение в немецких колониях, что сказывалось непосредственно и на материальном быте. – ...am *Karaman* waren nur in jeder Kolonie 10 bis 12 Hauser, die andern campierten in *Semlenken* «на Карамане было в каждой колонии лишь по 10-12 домов (Штальбаум говорит о семи колониях, переведенных в 1770 году с р. Малый Караман на Волгу), другие же (нужно думать: семьи) ютились в землянках». Таким образом, не одну зиму, а несколько зим жили колонисты семи верхних колоний (от Панинской – ныне Шенхен – до Шафгаузена) в землянках (О землянке в языке и быте волжских немцев см. еще в систематической части).

– ...Die Mitwissenden aber (wurden) mit der *Plet* bestraft... «согласдатаи же были наказаны плетьюми (дословно: плетью)» Штальбаум имеет в виду факт убийства на одном из островов Волги группы колонистов русскими крестьянами из с. Березники, взявшимися довести их до польской границы. Слово плеть имеется в говорах поволжских немцев и в настоящее время.

– ...da mussten gleich die Pferde Tabunen eingetrieben werden... «тут сразу должны были загнать конские табуны» ...сообщает Штальбаум по поводу появления сторонников Пугачева в Екатериненштадте (ныне Маркштадте) в 1774 году. Штальбаум дает нам пока что самое старое свидетельство заимствования слова табун. Оно нам встретится еще несколько раз.

– Gleich nach dem Bugatschef war eine Räuberbande von den *Girgisen*

in Mariental... eingefallen. «Тут же после Пугачева (т. е. пугачевского восстания) напала на Мариенталь разбойничья банда киргизов».

Из одиннадцати слов-заимствований у Штальбаума одно является словом его индивидуального языка (Kamuth), одно уже вымерло и едва ли имело большое распространение (Woynot «воевода»), одно является обозначением фактов русской жизни (соха) и два являются названиями народностей (калмыки, киргизы).

7. Слово землянка, встречающееся у Бата из Диттеля, у Цюге (условно Кратцке) и у Штальбаума из с. Боаро, в записках колониста **Маттерна** из с. Борегард, относящихся к 1833 году и частично опубликованных в журнале *Unsere Wirtschaft* 1922, № 2, обозначено через *Sammlanken* (мн. ч.). Живой язык жителей с. Борегард имеет форму *Simlingge*. У того же Маттерна мы видим обозначение землянки через слово *Erdhaus*, мн. ч. *Erdhäuser*, которое, однако не привилось. – Другое заимствование у Маттерна слово *Steppe* «степь». Думается, слово это входит в употребление уже с момента основания волжско-немецких колоний²⁷.

8. Ценнейшими памятниками для истории и языка поволжских немцев являются рукописные книги колониста **Антон Шнайдера** (Anton Schneider) из с. Мариенталь (б. Тонкошуровка²⁸). В его книге *Haus- und Landwirtschaft für ausländische Ansiedler des samarschen und saratowschen Gouvernements... 1849*. 584 стр. 80 (в ней недостает стр. 519-566) мы находим следующие ценные для нашей темы слова: стр. 20: *Nach Verlauf der zwei ersten Jahren, erhielten unsere Vorvater zur besserer Bequemlichkeit hölzerne Wohnungen und Nebengebäude, oder Ställen und Ambaren* «по истечении первых двух лет (после поселения) наши предки для большего удобства получили деревянные жилища и надворные постройки, т. е. конюшни и амбары». Это показание Шнайдера в общем сходствует с данными Ведомости о числе способных и неспособных к хлебопашеству колонистов и пр. от 14 февраля 1769²⁹, по которой, однако, для Тонкошуровки значится всего 7 амбаров и 7 конюшен и 48 домов при 62 семействах. На стр. 544 у Шнайдера читаем: *Die Fruchtspeicher (Ambars)*; такую форму множественного числа следует считать индивидуальным словоупотреблением. Современный мариентальский диалект знает *Ambar*. Тот факт, что именно *русскими* плотниками во всех старых немецких селах в первые годы их существования были построены амбары и то, что на прародине основной массы волжских немцев отдельные зернохранилища в селах являются, очевидно, лишь в крайне редких случаях. О. Lauffer, стр. 28 и 35 отмечает *Spiker* «амбар», как особенность нижне-немецкого дома, частично, в западной Богемии и в Нижней Силезии, и не отмечает его в

²⁷ См. теперь корректурную заметку № 2 на стр. 236.

²⁸ Эти рукописи принадлежат Центральному Музею АССР Республики Немцев Поволжья. (В настоящее время хранятся в Энгельсском филиале государственного архива Саратовской области – *Прим. ред.*)

²⁹ Она напечатана в качестве приложения к книге Г. Писаревского «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке». Москва, 1909.

соответственных местах для средне-немецкого дома. А. Веcker в своей *Pfälzische Volkskunde* также не упоминает отдельной постройки для хранения зерна, у Hessler'a *Hessische Volkskunde*, на стр. 38 и 26 указывается, что зерно хранится на подлавке. Все это объясняет нам в достаточной степени факт заимствования слова амбар. Конечно, не везде это слово является единственным для обозначения нашего понятия: на нагорной стороне во многих селах наряду с «амбар» употребительно *Fruchthaus*.

– На стр. 16, 20 и др. Шнайдер употребляет слово *Erdhütte* в значении землянки, и современные марриентальцы говорят *Hütt* «Hütte», слово же землянка неупотребительно. Это также один из показателей того, что словарное заимствование может и не состояться, несмотря на ряд благоприятствующих тому обстоятельств.

– 525; *Pudovka* «пудовка», 73: *Tschetwert* «четверть». Слово следует признать не народным, в соответствии со стремлением Шнайдера к некоторой книжности слога (см. ниже *Serbinska*). Ныне говорят *Sack* (ср. п. 2, 391); *Skirten* «скирды». Согласно показаниям внука А. Шнайдера слово ныне неизвестно в Мариентале. В других селах мне это заимствование встречалось. Возможно, что в Мариентале оно во времена Шнайдера было словом народного языка.

– 6, 131 и др.: *Tabonen* «табуны». Появление этого слова также обусловлено новой хозяйственной обстановкой: при земельной тесноте средней Германии и малом количестве лошадей нечего было думать о табунах, наличие которых так естественно для степных просторов юга-востока России XVIII и XIX века в пределах поселения немцев³⁰.

– 517: ...die... *Kälber*, welche bei die *Geltetabon* gehen «телята, которые пасутся в стаде нерабочего скота». Здесь слово табун употреблено для обозначения стада. Даль в Словаре живого великорусского языка не отмечает такого значения слова табун. Возможно, таким образом, что перенесение значения совершилось уже на немецкой почве.

– 67, 143, 319 и др.: *Arbussen* «арбузы». Об этом слове уже говорено выше, п. 3 (Цюге).

– *Tragonnen* sieht man nirgends «тараканов... нигде не видно (у колонистов)». Это утверждение, в пределах моих наблюдений, справедливо и для настоящего времени. Слово таракан в языке поволжских немцев обозначает явление русской крестьянской жизни.

– 103: ...der russische *Kaftan und Kalatt* wurden einheimisch «русский кафтан и халат укоренились». Шнайдер про эти костюмы далее утверждает, что в его время их носили лишь старики, а молодежь опять перешла к немецкому сюртуку (*Rock*). Слова кафтан и халат (*Kalatt*) живы и в настоящее время, но *Kalatt* лишь в презрительном значении старой или устаревшей части костюма. Но наряду с сюртуком, сообщает далее Шнайдер, мужчины носят и казачку (стр. 104: *Kasatschka*). Казачка

³⁰ W. Gerland в статье *Landwirtschaft* (в книге *Hessische Landeskunde I Band*, 1. Hefte hg. von C Hessler. Marburg, 1906) указывает, что 97,7% земельных владений Гессен-Касселя относится к разряду мелких. Преобладание мелкого земледелия, очевидно, было налицо в этой области и в середине 18 века.

ныне повсюду вышла из употребления. Внуку А. Шнайдера неизвестно, и само слово. Однако, это слово мной отмечено летом 1928 г. у одного старика в с. Урбах (на р. Большом Карамане) при расспросах о старинных костюмах этого села. Возможно, что и старики с. Мариенталь еще помнят это слово.

– 87: *der runde(n) Rock von Serbinska* «круглая юбка из сарпинки». Современный Мариенталь говорит *Sarbinge*. На стр. 76 своей книги Шнайдер сообщает, что выделяемые поволжскими немцами хлопчатобумажные ткани и платки в Астрахани и в других губерниях носят название «*Serbinska und Serbinskago Platij*». Мы, конечно, ожидали бы «платки», а не «платий». Очевидно, это написание представляет собой попытку наибольшего приближения форм употребляемых им слов к русскому произношению при недостаточном знании языка, ибо уже под 1827-28 годами (см. п. 4) мы имеем *Sarpinka und Sarpinkasche Tücher*. Таким образом, *Serbinska* не есть на наш взгляд, передача русской формы вроде сарпинская, серпинская, которая, вполне возможно, существовала одно время вместо нынешнего сарпинка (сарпинская ткань – сарпинская – сарпинка).

– 143 сл.: *obwohl es Weizen heißt, so gibt es doch deren fünf Arten...: a., Weissturkischer, b., Rothturkischer, c., Schwarzturkischer, d., Kahlweizen (Hirka³¹) und e, Spriss – oder Grauweizen. ...Der türkische Weizen... unterscheidet sich bloß auf dem Felde... dass die Ähren weiß, roth und schwarz sind... Das Korn ist daher an sich selbst, Ersteres weißgelb (Belaturka), das Zweite ist rothlich und das Dritte um ein Merkliches mehr braunroth und wird von den Russen *Kuban* genannt.* Из того факта, что Шнайдер в отличие от других, приведенных до сих пор заимствований, обозначения для пшеницы – гирка, белотурка, кубан(ка) – приводит или в скобках или с прямым указанием, что так называют эту именно пшеницу русские, следует, что хотя эти слова ему и были известны, но сам он употреблял немецкие названия указанных им сортов пшеницы. В настоящее время приведенные Шнайдером русские названия пшениц в Мариентале не употребительны. Следует, однако, иметь в виду, что слово *Guban* «кубанка» известно в настоящее время в других селах, а также и то, что сказано в п. 4 про слово белотурка.

– 137: *Dreifuss (Takan)* «таган». В настоящее время в Мариентале, согласно показаниям внука Шнайдера, употребительно лишь *Dreifuss*. Таган следует отнести, возможно, к словам индивидуальным, ибо причин к его заимствованию как будто нет, т. к. тренажник (*Dreifuss*) принадлежит к древнейшему инвентарю германских народов. Тот факт, что Шнайдер (на стр. 146 и др.) упоминает *das Dessjatin* «десятина», *das Pud* «пуд», которые употребительны и в настоящее время, представляется вполне нормальным, – стр. 56: *Malrossjaner* «малороссы». Это слово также следует признать продуктом книжного мудрствования Шнайдера (как и слово *Serbinska*). В отличие от него у *Batha* народная форма

³¹ Форма *Hirka* взята из украинского, скорее всего, из говора Покровской слободы, с которой поддерживались экономические отношения.

Kochollen.

– 241: *Kappaken* «кабаки». Слово это уже заимствовано в XVIII веке, как видно из показания Цюге.

В числе заимствований, упоминаемых Шнайдером и из которых, как видно из предыдущего, большинство в живом употреблении и по настоящее время, нам особенно интересны те, которые ныне вышли из употребления в силу того, что или исчез самый предмет, обозначавшийся ими (ср. казачка), или определенное название было известно лишь в ограниченных (административных) кругах (четверть). О крайне интересном заимствованном слове сарпинка см. в систематическом отделе.

9. В 1861 году екатериненштадтский пастор **Дзирне** напечатал отдельным изданием рассказ *Schön Ammi von Marienthal*. В нем при описании жизни немцев-колонистов употреблены следующие русские заимствованные слова: стр. 6: Kaftan «кафтан»; 12: die Getreidescheuer, hier «Ambar» genannt; 13: *Tabune* «табун», *Tabunehirte*, 17: *Rindviehtabune* «табун рогатого скота» (то же словоупотребление, что и у Шнайдера). Все эти слова нам известны уже из предыдущих источников. Их можно, пожалуй, приурочить к Екатериненштадту, т.е. к тому месту, где Дзирне жил, хотя, конечно, слова эти и в то время могли быть известны не только в Марксштадте, но и в других селах прихода Дзирне, как это имеет место и ныне.

В том же рассказе Дзирне на стр. 6 язык волжских немцев охарактеризован как «своеобразный диалект, содержащий немало количество русских и татарских слов» (mit manchem russischen und *tatarischen Wort versetzter fremdartiger Dialekt*)³².

10. С 13 октября 1864 года до 1866 года включительно в Саратове выходила предназначенная преимущественно для поволжских немцев-крестьян **Saratowsche Deutsche Zeitung**. В ней в различных сообщениях с мест, в статьях, в объявлениях и бюллетенях Саратовской биржи встречаются иногда и русские слова. Русские заимствованные слова статей и корреспонденции интересны как свидетельства наличия заимствований хотя бы и в языке только сельских корреспондентов. Русские же слова объявлений и биржевых бюллетеней (главным образом, русские названия разных сортов хлеба и муки) важны нам как слова, ограниченные с одной стороны известным социальным слоем (хлеботорговцы), и как слова, которые благодаря авторитету печатного слова могли проникнуть (да и проникали отчасти) в речь наиболее развитого слоя немецкого крестьянства, читавшего эту газету. Во всяком случае, *Saratowsche Deutsche Zeitung* 1864-66 годов, первое немецкое периодическое издание, способствовавшее (хотя в силу кратковременности своего существования едва ли в большой мере) проникновению русских слов в речь поволжских немцев. Вот те слова,

³² Настоящее прямое указание на наличие русских заимствований в языке поволжских немцев привожу в виде исключения. Указание Дзирне на наличие немалого количества татарских слов в речи поволжских немцев требует, конечно, очень большого ограничения.

которые отмечены мной (и, частично, Э.Г. Дингес) при просмотре этой газеты за 1864-65 г.³³

1) Слова, встречающиеся в тексте. № 44 стр. 364 газеты: Und die alten, die nicht auf der Tafel rechnen, worauf rechnen sie? Ei auf der *Tschott*. «А старики, которые не считают на доске, на чем они считают? Да на счетах», пишет пастор Hölz в своей статье Über das Schulwesen in den evangelischen Kolonien. В № 46, стр. 380 анонимный оппонент Гельца также употребляет слово *Tschott* (и в скобках прибавляет *Rechenbrett*). Эти цитаты и всеобщее распространение этого слова теперь позволяют думать, что и в 1864 году слово *Tschott* (может быть *Schott*, как сейчас везде говорят) являлось уже общераспространенным во всех слоях поволжских немцев (в том числе и у пасторов). № 44, 367: *Barken,...* welche... im *Saton* überwintert hatten «барки» (баржи), которые перезимовали в затоне. Слово *Saton* употребительно ныне в части немецких сел, расположенных на Волге. В № 49, стр. 403 в статье старшины Усть-Кулалинской вол. Хр. Шнайдера мы читаем: *Russische Arbeiter gibt es bei uns nur noch Säger* «из русских рабочих у нас имеются только еще «пильщики»; а в № 50, стр. 412 в статье *Die Lippertsche Stiftung in Catharinenstadt zur Heranbildung von Handwerkern aus dem Kolonistenstande*, подписанной *Die Direktion*, говорится:., nachdem sie (d. h. die *Direktion G. D.*) für die in den Kolonien fast gänzlich fehlenden Professionen der Zimmerleute und Maurer tüchtige Meister ermittelt hatte... «после того, как она (т. е. дирекция над пожертвованием Липперта, предназначенным на цели обучения молодых колонистов разным ремеслам Г.Д.) нашла хороших мастеров по почти совершенно отсутствующим в колониях профессиям плотников и каменщиков...» Это указание на почти полное отсутствие профессии плотников еще в середине XIX века, объясняет нам, почему поволжские немцы не только заимствовали в XVIII веке (см., например, п. 2, Бератц), но и сохранили повсеместно до настоящего времени слово *Plotnik*. Из цитаты из статьи Хр. Шнайдера понятно также, отчего заимствуется слово *Bilschik* «пильщик», которое, видимо, было налицо в Усть-Кулалинской волости уже в 1864 г. Эти заимствования (пильщик и плотник) ясно также обнаруживают зависимость языковых явлений от экономического уклада и социальной структуры его носителей. Что же касается указания Дирекции по управлению капиталом Липперта на почти полное отсутствие каменщиков (так я перевожу слово *Mauger*, которое в наших условиях, где строят дома из самана или из необтесанного камня, скрепляемого глиной, собственно нуждалось бы в другом переводе), то здесь следует заметить, что это указание может быть и было справедливо для Маркштадта (места пребывания указанной дирекции), но не для нагорной стороны и юга луговой стороны (южнее Покровска), т.к. на нагорной, безусловно, и в то время существовали дома,

³³ В просмотренном экземпляре *Saratowsche Deutsche Zeitung* за 1864-65 г., принадлежащего Центральному Музею АССР НП, недостает №№ 42, 43, 116 и последнего листа 117 (т. е. последнего) номера этой газеты.

возводившиеся из необтесанного камня и глины, а также саманные постройки, которые сверх того были, кроме нагорной и юга луговой стороны, вероятно налицо и в северных колониях.

В официальном документе *Protocoll über die Besichtigung der Viehherden und Felder der Kolonien des Catharinenstadter Kreises 1865*, опубликованном в №№ 79 и 80 газеты, мы встречаем на стр. 661, номера 79 под *Catharinenstadt: Die Pferdetabun befindet sich auf der Tabunsteppe an der Montschet* «лошадиный табун находится на степи для табунов на (речке) Мончет», при чем слово *Pferdetabun* упоминается под каждой колонией тогдашней Екатериненштадтской волости. Слово *Tabun* этого документа следует безусловно считать народным, крестьянским. Сравни это слово у *Stallbaum*'а из Боаро (Екатериненштадтской вол.), у *Dsrine* (из Екатериненштадта), у *Шнайдера* из Тонкошуровки (ныне Мариенталя). В нашем документе, правда, встречается раз *die Pferde in 2 Herden* «лошади в двух стадах». Это не противоречит нашему утверждению об употреблении слова *Tabun* в народном языке. Так, в с. Блюменфельд, например, слова *Gailsherd, Gaulsherde* и *Daboon* употребляются оба, что естественно могло иметь место и в бывшей Екатериненштадтской волости.

В другом официальном документе от 1865 г., помещенном в № 81 сл. нашей газеты, а именно *Gutachten, gegeben vom Catharinenstadtischen Kreisamte... über die Verteilung der Ländereien ...in den Gemeinden des Catharinenstadtischen Kreises*, мы читаем под *Catharinenstadt* в № 81, стр. 667 *Kürbis - und Arbusenlandstück*. В том же документе на стр. 678 газеты под с. Боаро: *Zu Tabak, Arbusen und Kurbissen hat jeder Wirt 6 Äcker*. Здесь помимо самого слова «арбуз», засвидетельствованного, таким образом, для середины XIX в. для Маркштадта и Боаро, наше внимание обращает на себя форма *Arbusenlandstück*, о которой несколько ниже.

– В № 82, стр. 689 в отделе *Vermischtes* мы читаем: *Mittel gegen Ratten, Feldmäuse und Zieselmäuse* (суслики), где редакция сочла нужным пояснить своему читателю слово *Zieselmäuse*, через «суслики». Такое пояснение не случайно, т. к. слово *Zieselmaus* у волжских немцев, говорящих на диалекте, неупотребительно, а вместо него употребляют *Suslik* (т.е. заимствование из русского), *Hamster, Piffer, Maus*. Из этих слов, с точки зрения редакции, больше всего, очевидно, годилось для пояснения слово *суслики*. Правда, это слово могли прочесть только те, которые умели читать по-русски.

– В № 86 сл. опубликовано *Gutachten des llawlinschen Kreisamtes über die künftige Vertheilung der Acker – Gemüse – und Gartenländereien...* тоже от 1865 г. В нем мы встречаем: № 87, стр. 726: *Arbusenfelder; Arbusenbau; Ein Arbusenacker auf 10 Seelen hat in den hiesigen Kolonien bisher ungefähr 1½ Dessjatinen*, стр. 727: *Vertheilung der Äcker in Dessjatka*. Деление пашни на «десятки» сохранялось до самого последнего времени. Заимствование *Dessjatka* (*Dessетка*) нам в наших памятниках встречается впервые. Как обозначение определенной доли пахотной земли и группы крестьян, которым приходится эта доля (хотя бы их было и не 10 домохозяев, а 20, 15 и др.) это слово живо и поныне. Здесь же

наше особое внимание обращает на себя слово *Arbusenacker* в смысле бахчи, для которой в *Gutachten* Екатериненштадтского Волостного Правления употребляется *Arbusenlandstück*. Если мы сравним эти обозначения с нынешним распределением слов *Arbusenstück* и *Arbusenacker* на прилагаемой карте, то едва ли эта разница словоупотребления покажется нам случайной, так как вся бывшая Илавлинская волость (девять самых южных пунктов на нагорной стороне с волостным селом Розенберг) ныне имеет *Arbusenacker* в соответствии с показанием нашего памятника. Иное дело бывшая Екатериненштадтская волость, которая на карте для нашего понятия имеет *Bachtschu* русский винительный падеж бахчу (об этом слове см. еще п. 4. стр. 208), тогда как *Arbusenstück*, с которым вполне сопоставимо *Arbusenlandstück*, начинается только к югу от пределов бывшей Екатериненштадтской волости, состоявшей из сел Екатериненштадт, Орловское, Обермонжу, Боаро, Эрнестинендорф, Филиппсфельд, Кано, Паульское и Борегард. Имеем ли мы здесь дело с тем фактом, что слово *Arbusenstück* вытеснено с тех пор из сел Екатериненштадтской волости словом *Bachtschu* или нет (а в последнем случае появление *Arbusenlandstück* в Екатериненштадтском документе могло бы быть объяснено или как слово, употребленное *ad hoc*, или же, скорее всего, как слово, появившееся под влиянием соседствующих диалектов, тем более, если писарь был родом из этих сел), несомненно, лишь одно, что, судя по разбираемым документам, старый немецкий канцелярский язык в поволжских немецких селах в части словаря находится под влиянием местного народного языка, а детальное вскрытие этой зависимости представляется крайне интересной проблемой. Сравните к этому старые русские заимствования в с. Прайс (б. Краснополье) под п. 13.

2) Слова, встречающиеся в бюллетенях, частных объявлениях и в официальном отделе нашей газеты³⁴. В официальном отделе №37, 305 *Senatsbefehl vom 25. Februar, betreffend den Betrag der... zu zahlenden Poschlin* «указ Сената от 25 февраля о размере подлежащей уплате пошлины... Слово *Boschlin* мне известно из Блюменфельда и указано в моем словаре заимствований и из других немецких сел для XX века. – В № 17 в объявлении читаем: *Ein praktischer Schafzuchter aus Preussen sucht eine Stelle, zu erfragen im Einkehrhof Krause auf der Moskauer Straße neben der Duma* «Практик-овцевод из Пруссии ищет места, узнать в постоялом дворе Краузе на Московской улице рядом с Думой». Наличие немецкого постоялого двора рядом именно с городской Думой (по этой примете могли разузнавать местонахождение этого двора) могло, конечно, помимо прочего, также способствовать проникновению слова дума в речь поволжских немцев, приезжавших в Са-

³⁴ В биржевых бюллетенях, кроме Саратова, Самары, Камышина, Каменки, Норки, Покровска, Панинской волости, Голго Карамыша, Ровного, Екатериненштадта и Привального, нередки Петербург, Москва, Симбирск, Рыбинск, Ростов н/Д. Одесса, Бузулук, Рига и др. В дальнейшем биржевые бюллетени из этих городов, как имеющие лишь отдаленное отношение к местной хозяйственной жизни, не используются.

ратов по разным делам. – Что касается слов, встречающихся в биржевых бюллетенях, то они следующие: *Paterik* «пятерик» (дров) в № 1 газеты (бирж. бюлл. Саратова), № 34 (Привальное, ныне Варенбург) и др. Слово употребительно ныне в селах и нагорной и луговой стороны. – *Kuhl* «куль» в № 16, 36 и др.: Roggenmehl.. *Kuhl* a 7 *Pud* 20 *Pf.* (Саратов); в № 20 и др.: Weizenmehl... *pr. Kuhl* a 5 *Pd.* a 4 *R.* – 4 *R.* 30 *K.* (Голый Карамыш); в № 22: *Kuhl Mehl* a 7 *Pud* 20 *Pf.* (Саратов); в № 28, 32, 36 и др.: Roggenmehl... *Kuhl* a 5 *Pud* a 1 *R.* 89 *K.* – 1 *R.* 95 *K.* (Саратов); № 25: Hafer 1 *R.* 70 *K.* – 1 *R.* 90 *K.* *pr. Kuhl* a 8 *Maas* (Голый Карамыш). – 32, 34 и др.: Buchweizengrütze... *Kuhl* a 8 *Pud.* 10 *Pf.* a 4 *R.* 80 *K.* (Саратов). Из приведенных примеров явствует, что слово куль в биржевых бюллетенях *Saratowsche Deutsche Zeitung* употребляется для обозначения мер различной величины: в Саратовских бюллетенях в качестве обозначения мер ржаной муки куль равен 7 пудам 20 фунтам, для обозначения меры гречневой крупы это 8 пудов 10 фунтов, а для обозначения пшеничной (и ржаной опять-таки) муки это 5 пудов. Для Голого Карамыша куль равен 6 пудам, и лишь в отношении овса «куль» показан как равный восьми мерам. То же различие в значениях и для слова четверть: № 1 и др.: Hafer das *Tschetwert* a 8 *Maas* 2 *R.* bis 2 *R.* 10 *K.* (Саратов): то же показание в отношении овса имеем в биржевом бюллетене из Привального (№ 34) и Каменки (№ 25). Своеобразной представляется нам четверть ржаной и пшеничной муки, равная пяти пудам для Каменки, засвидетельствованная в № 31; *Tschetwert* a 5 *Pud* выше в п. 2 (Бератц) мы уже останавливались на словах четверть и куль. Отметим лишь здесь, что куль (четверть) муки в 5 пудов того времени для сел нагорной стороны (Голый Карамыш. Каменка) и Саратова соответствует нынешнему словоупотреблению: *Kuhl Mehl*, «мешок муки», *Kuhl Weizen* (*Waaz*) и др., причем принятый на нагорной стороне мешок, вмещающий обычно около четырех пудов пшеницы, вмещает, примерно 5 пудов муки. В том же п. 2 (Бератц) мы говорили о том, что старые немецкие села выше Покровска измеряют свой урожай четвертями, точнее *Sack*'ом, т.е. мерой равной 8 пудам. Любопытно, что и в показаниях биржевых бюллетеней из Екатериненштадта и Панинской волости с волостным селом Шенхен-Schönchen (и из Балакова) *Sack*, как торговая единица, равен 8 пудам. Ср. для Панинской вол. в № 16, для Екатериненштадта, напр., в № 31 и 22, для Балакова в № 22: *Sack* a 8 *Pud*. Там же, где слово *Sack* фигурирует в биржевых бюллетенях Саратова, указано: *Sack* a 5 *Pud* (№ 1, 43). Отметим и подчеркнем: 1) для сел нагорной стороны и Саратова мы имеем *Sack*, *Kuhl* и даже четверть, равные пяти пудам, и ни разу этих мер, равных 8 пудам; 2) для Екатериненштадта, Панинской вол. и Балакова лишь *Sack*, равный восьми пудам, что в отношении немецких сел соответствует, как мы видели, нынешнему словоупотреблению, обусловленному вполне реальными фактами. Перед нами как бы намечается два экономических (хлеботорговых) комплекса³⁵, с отличной друг от друга терминологией в отношении разбира-

³⁵ Саратов вместе с нагорной стороной (и, может быть, с немецкими селами южнее

емых нами слов. Это соответствие словоупотребления биржевых бюллетеней нынешнему словоупотреблению заставляет нас предположить, что для середины XIX века противоположение «нагорная сторона – старые колонии выше Покровска» было уже налицо, что вполне соответствует нашему наблюдению в отношении *Arbusenacker* – *Atrbusenstück*. Отражение этой словарной противоположности южной и северной группы старых колоний³⁶ в биржевых бюллетенях *Saratowche Deutsche Zeitung* объяснимо лишь при предположении, что терминология газеты обусловлена языком и терминологией ее корреспондентов.

Из других обозначений мер (кроме четверти) очень часто встречаются *Werschok* «вершок», *Arschin* «аршин», *Dessjatin* – они не вызывают новых замечаний. Интереснее слово *Wedro* «ведро» напр. в № 24: *Spiritus...* 90-95 K. pro *Wedro*, но в № 26: *Spiritus...* Eimer a 1 R. 42 K. (Саратов). Нынешнее словоупотребление знает лишь Eimer. Слово «ведро» в биржевых бюллетенях (оно имеется и в объявлении о продаже спирта, напр., в № 3) следует считать книжным.

Kuhlsacke aus Bast «кули из мочала» в № 1, 11 и др. Слова *Kuhl*, *Kuhlsack*, *Bastkuhl*, напр. в Блюменфельде, показывают наличие этого слова и в настоящее время. О значении *Kuhl* см. подробнее п. 2 (Бератц), а также выше.

В дальнейшем мы имеем в бюллетенях обозначения разных сортов пшеницы: *Girka* «гирка» (№ 8, 34 – Привальное), *Kubanka* «Кубанка» (№ 16 – Самара), *Saksonka* (№ 22 – Екатериненштадт). Из них гирка и кубанка нам уже встречались у А. Шнайдера (п. 8, стр. 38), саксонка же встречается впервые. Про эти слова можно лишь сказать, что они несомненно были в употреблении у немцев-торговцев хлебом и мукой и у немецкого населения приволжских русских городов, подобно тому, как и в позднейшее время как раз в этих кругах в их немецкой речи часто фигурировали русские названия разных сортов пшеницы и муки. Это замечание мы можем распространить и на слово *Mehl Saksonka* «мука *Saksonka*» (№ 33 - Камышин).

Из других товаров, о которых содержатся сведения в биржевых бюллетенях, упомянем сперва рыбные. В № 29 мы видим: «*Sandart* (судак)..., *Brassen* (лещ)..., *Karpfen* (сазан)... *Sewriuga*...». Из этих слов, мне как раз встречались русские обозначения в речи немцев: *Lesch* (напр. в Блюменфельде, Зельмане и др.), *Sasaan* (в с. Миллер, изредка Зельман и др.), *Sudak* (изредка в Зельмане, где чаще *Staa'baarsch* (*Steinbarsch*), слово же *Sewriuga* «севрюга» в качестве заимствования мне в селах нигде не попадалось.

Покровска) в отношении хлеботорговли с преимущественным тяготением на Москву, а Баронск и Балаково с преимущественным тяготением на север, на Самару. Корр. заметка. Подтверждение этому предположению нахожу теперь отчасти в исследовании проф. П. Г. Любомирова *Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века*. Саратов 1928, стр. 32 (о роли Панинской и Екатериненштадта) и стр. 60 (роль Саратова).

³⁶Наш Лингвистический атлас (рукописный) знает тому немало примеров.

Встречающееся в № 44 (в объявлении) слово *Nalifki* в настоящее время в немецких селах распространено среди торговцев, кооператоров, учителей и других представителей некрестьянского слоя деревни.

Интересными представляются следующие сообщения биржевого бюллетеня по Саратову: в № 11 : *Balken* 3 Faden 8-4 *Werschok* das Stück 2 R. 40 K. bis 3 R. 50 K. и в № 60: *Brussen* 3 Faden 8-12 *Werschok* das Stück 2 R. 30 bis 3 R. *Balken* и *Brussen* два слова (одно немецкое, другое русское, встречающееся в бюллетенях чаще) для одной и той же вещи, которая ныне, например, в Палласовском и Зельманском кантонах, называются *Bolbrus* полубрус. Переход газеты на слово *Brussen* может быть объясняется стремлением быть более понятной читателям, у которых в таком случае уже должно было быть в употреблении слово *Brus* или *Bolbrus*³⁷. Заимствование этого слова происходит в силу тех же причин, что и слова *Pristan*, «пристань, пароходная пристань», *Holzpristan* «лесная пристань» (см. ниже): лесная торговля находилась в руках русских, а если впоследствии в пределах немецких поселений и в руках торговцев немцев, то все же русская терминология должна была оказать свое влияние на язык поволжских немцев, ибо и эти лесоторговцы-немцы покупали свой товар от русских лесопромышленников, усваивая от них русскую терминологию в отношении части лесных товаров³⁸. – В № 34, стр. 284: *Spiritus... zu empfangen auf der Serebrjakowschen Pristan* «спирт... принять на Серебряковской пристани». Слово пристань помещенное в биржевом бюллетене, показатель того, что представители интеллигентного слоя заимствовали это слово. Тем более мы вправе его ожидать у простого народа, что подтверждается и показанием из с. Прайс (см. п. 13), тем более, особенно, если принять во внимание, что все судоходство находилось в русских руках.

11. В сочинении **А. Клауса «Наши колонии»**. С.-Петербург, 1869, на стр. 394 в немецкой цитате, вложенной в уста колонистов, встречаем слово *Ambar* «амбар», причем указывается, что поговорка, в которой встречается это слово, уже давно употребляется колонистами. Нужно думать, что это слово, как и ряд других, обозначающих предметы и понятия, с которыми поволжские немцы встретились впервые в России (Ср. в предыдущих такие, например, слова, как кафтан, землянка, табун, арбуз и др.) восходят еще к XVIII веку, в чем нас утверждает ряд слов, встречающихся у Платена, у Цюге, в цитатах Бератца и, далее в п. 13³⁹.

12. На грани нового периода дореволюционной истории поволжских немцев и старого ее периода, кончающегося 1876 годом, годом уничтожения последних остатков отдельного управления поволжско-немецких поселений, стоит написанная в 1885-1888 годах **G. Bauer**'ом «*Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga*», **жившим** во время

³⁷ Одним из сотрудников редакции был колонист G. Bauer, автор книги *Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga* (Ср. Sinner, *Kurzgefasste Geschichte der deutschen Wolgakolonien* в «*Beitrage zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets*», на стр. 26), которому был, конечно, знаком язык колонистов.

³⁸ О других заимствованиях этой категории см. в моей кандидатской работе.

³⁹ См. теперь и корр. заметку № 1 на стр. 235.

написания своей истории в с. Шталь (б. Степном) на Волге и происходящим из колонистов с. Бальцер (см. его *Geschichte*, стр. 152). Точно приурочить к какому-либо селу встречающиеся у Бауэра заимствования нельзя. В книге у Бауэра, которая свое изложение кончает 1874 годом, мы встречаем следующие еще ныне употребительные (кроме может быть слова *Pletka*) у волжских немцев слова: стр. 25: *...es ist bekannt, dass wenigstens bis zum Jahre 1770 die russische «Socha» (der Hakenpflug) angewendet wurde* «известно, что, по крайней мере, до 1770 года была в употреблении русская соха»⁴⁰; стр. 35: *Pleten*, стр. 53: *lag eine Plete* «лежала плеть»; 46: *Sarpinka* «сарпинка»; 49: *Ataman* «атаман». Своеобразная обстановка в новом месте жительства, а именно, немалое количество разбойничьих шаек, часто грабивших немцев-колонистов, вполне объясняет нам появление этого заимствования; 50: *Tabun* «табун»; 141: *Pletka* «плетка», форма, встретившаяся нам уже у Цюге; 145: sogenanntes *Pjaterikhholz* «так называемые пятериковые дрова». Лишь слово официального языка *Ukas* «указ» (у Бауэра несколько раз; на стр. 155: *Am 25. Oktober 1819 erging ein Ukas, welcher den Geistlichen die alleinige Verwaltung der Schulen und die ausschließliche Aufsicht über die Lehrer anvertraute* «25 октября 1819 был издан указ, который передал в исключительное ведение духовенства управление школами и надзор за преподавателями») не сохранилось в живом народном языке волжских немцев.

13. К этим данным мы в настоящее время можем еще присоединить некоторое количество старых заимствований, извлеченных Д. П. Дульзоном из старых документов **архива села Прайс** (бывш. Краснополье)⁴¹. В этих памятниках нужно различать две категории: 1) документы, исходящие от Тарлыцкого волостного правления, находившегося первоначально в с. Динкель (б. Тарлыковка), и 2) приговоры, штрафные книги и другие документы, возникшие в самом селе Краснополье, куда относятся и записи церковной хроники с. Прайс. Мы начнем рассмотрение этих заимствований со слов последнего рода. Под 1770 годом записано патером в *Liber Parochialis*: *7 decembris mortua est suffocatione fumi exordio (sic!) incendio in semlenka filia Matias Bender 4 annorum* «7 декабря умерла от удушения дымом, происшедшим от пожара, в землянке, дочь Матиаса Бендер 4 лет». Таким образом, заимствование землянка, косвенно засвидетельствованное для XVIII века в северной группе старых колоний (у Штальбаума из Боаро) и на нагорной стороне (у Бата из с. Диттель и у Цюге для с. Кратцке), мы имеем прямо засвидетельствованным для с. Прайс. Если патер нашел нужным (точнее: был принужден) внести это слово в свой латинский текст, то едва ли можно ожидать у рядовых колонистов иного слова, тем более, что слово это и ныне употребительно в с. Прайс. В приговорах и книгах сельского правления отмечено под 1837 годом: *Kreis Storsch* «сторож при волостном

⁴⁰ О сохе см. уже у Штальбаума (п. 6).

⁴¹ За предоставление этих выписок, ради которых уже законченную статью пришлось несколько переделать в ее систематической части, выражаю здесь Д.П. Дульзону свою искреннюю благодарность.

правлении» (в другом документе того же года *Kreisdiener*); *Kreis Jemschik* «волостной ямщик». 1842 г.: *Arbusen Roppen* «срывание арбузов». Под 1845 г.: ein Loos... von 4 *Tusch* Gras «доля... в составе четырех душевых наделов (*Tusch*) травы⁴². 1847:... von einem jeden am *Pristan* befindlichen *Frucht Ambar* «...с каждого находящегося у (пароходной) пристани хлебного амбара»⁴³ – 1853 и 1857: *Tschetwert* «четверть», *Tschetwerik* «четверик», *Gamitz* «гарнец». Слова официальных ведомостей, встречавшиеся нам под п. 2 (Бератц) уже в XVIII веке. – 1857: *Pacht für Gemeinde Arbusen Acker* «аренда за общественную бахчу». И уже несколько за пределами нашей темы под 1878 годом: *Semstwo Lehrer* «земский учитель». Вероятно, если земская школа и была основана именно в 1878, что слова *Semstwo* и *Semstwo-Lehrer* должны были уже раньше войти в оборот. В селах Тонкошуровке (ныне Мариенталь) и Экгейм слово *Semstwo-Lehrer* безусловно вошло уже в употребление с 1866 года, так как в этом году были в них основаны земские школы⁴⁴.

В предписаниях и запросах, исходивших от Тарлыцкого волостного правления, мы находим – под 1824 г.: *Storosch* «сторож», при чем имеется в виду сторож волостного правления, и на содержание этого сторожа, как и на другие нужды волостного правления, предписывается внести деньги, в том числе и на *Kreisjemschikslohn* «т.е. на жалование волостного ямщика». В списке, указывающем, сколько должно быть в запасных магазинах ссыпано хлеба к 1827 году находим графы *Kuhl* «куль» и *Putowka* «пудовка», где, таким образом, мы находим слова и ныне употребительные в языке с. Прайс. – Под 1857 г. имеем: *Ambaren* «амбары». Из всех этих заимствований слова *Ambar* «амбар», *Tusch* (*Dusch*) «душевой надел», *Semlenka* «землянка», *Storsch* (т. е. форма, наличная уже в документе сельского правления от 1837 года) «сторож», *Jemschik* «ямщик», *Budowka* «пудовка» и, как уже отмечено, *Kuhl* «куль» находятся и поныне в живом употреблении. Слова *Semstwo* и *Semstwo-Lehrer* (и др. сложные со словом земство) и, видимо, *Dusch* по нынешнему времени обречены на вымирание. Слова *Tschetwert* «четверть» и *Tschetwerik* «четверик», очевидно, в с. Прайс не были народными: во всяком случае в живом говоре их нет. Очень любопытный путь проникновения заимствований в народный язык обнаруживают слова *Jemschik* «ямщик» и *Stor(o)sch* «сторож»: через волостное правление и его чинов в терминологию чинов сельского правления, которым приходилось заботиться о взыскании средств на эти нужды, в гуцу языка крестьян, участников сельского схода. Таков же путь и слова *Semstwo* «земство». Своеобразным является то, что под годами 1842 и 1857 мы встречаем сложные слова *Arbusen Roppen* и *Arbusen-Acker*, тогда как слово арбуз не заимствовано в язык села Preuss (его называют *Wassermelon*,

⁴² Любопытно, что Екатериненштадтское Gutachten от 1865 г. (см. выше п. 10) всегда употребляет *Seelenanteil* в отличие от современного живого словоупотребления (*Dusch*).

⁴³ Перевозу «пароходной» пристани, т. к. естественно ожидать, что хлебные амбары будут у пароходной, а не у лесной пристани.

⁴⁴ См.: А. Клаус. «Наши колонии». Стр. 433.

Melon)⁴⁵, а бахчу там называют Milonestick «Melonenstück». Можно считать, что заимствование «арбуз» есть или слово, принадлежащее индивидуальному словоупотреблению сельского писаря, если он, например, родом из другого села, или же слово «арбуз» свойственно канцелярскому языку, или же, что и в с. Прайс некогда говорили «арбуз», а не Melone, Wassermelone, как ныне. Во всяком случае, язык документов с. Прайс в этом пункте отличен от нынешнего живого языка и притом в пользу русского заимствования. Ценным представляется также слово Pristan «пароходная пристань» под 1847 годом. Здесь памятник также отступает от современного словоупотребления, т. к. теперь обычным обозначением для пароходной пристани является слово Kontor, соответствующее русскому контора, конторка в том же значении. Что, однако, Pristan в нашем документе является отражением народной речи, тому подтверждением название овражка Pristansgrabche «овражек пристанный», находящегося в том месте, где раньше стояла пароходная пристань⁴⁶. На примере этого слова мы видим смену обозначений в пределах одного и того же села. Наблюдение очень ценное для истории русских заимствований.

* * *

Обследованными выше документами, хрониками, книгами, статьями и пр. не исчерпываются те памятники, в которых мы могли бы обнаружить наличие русских заимствований в период до 1876 г. Так, несомненно, что просмотр, например, дел сельских и волостных правлений, относящихся к рассматриваемому периоду, может нам дать, подобно документам с. Прайс, определенное количество заимствований, которые являлись бы одновременно не только словами актового языка, но и языка народного. Но обследование этих архивных документов дело будущего. Пока что нам приходится ограничиться тем, что удалось просмотреть и достать.

В обследованных нами памятниках за период времени от основания волжско-немецких сел до 1876 г. мы отметили всего 100 слов. Из этого общего количества мы, в ходе нашего исследования, целый ряд признали принадлежащими только данному автору, или словами, явно не заимствованными и употребленными лишь к данному, вполне определенному случаю. Сюда относятся у Платена: Kapusta, Gorschok и Badeika; у Цюге: Fufei, Phliny-Garetschy (это слово именно в этом сочетании с его определением «горячи», т. к. волжские немцы употребляют в своей речи лишь слово Bline), Piroschy-Garetschy (употребительно лишь Birok), Beluhschen «белуги», Koschki (опудие наказания), Schwaga «сваха», Prusak (Prasak) «пруссак», Gosudar, Gosudarinne, Katschalky

⁴⁵С. Прайс принадлежит к группе сел, которые имеют Melone, Wassermelone. Это села Зельман, Хельцель, Прайс, Варенбург, Штрауб, Динкель, Лауб, Йост. Сверх того с. Брабандер, где имеется и Melone и Arbuse. См. карту и объяснения к ней.

⁴⁶ Название оврага и историческую справку о месте его нахождения мне любезно сообщил Д.П. Дульзон.

«качалка»; у А. Шнайдера: *Malorossianer*, *Hirka*, *Beljaturka*, *Kupan*, *Takan*, «таган» (здесь следует оговориться, что слова «белотурка» и «кубанка» в других местах и поныне употребительны, а *Girka* упоминается в биржевых бюллетенях по Привальному – *Warenburg*) и, возможно, *Skirt*; у Штальбаума: *Kamuth* «хомут»; в *Saratowsche Deutsche Zeitung*: *Sewriuga*, *Wedro*⁴⁷.

Другая категория слов рассмотренных нами памятников имела ограниченный круг носителей, будучи приуроченной к определенным социальным слоям. Так, среди хлеботорговцев наиболее употребительными должны были быть русские названия товаров вообще и в частности злаков и муки: *Beloturka*, *Kubanka* (*Kuban*), *Girka*, *Saksonka* и *Mehl Saksonka* «мука-саксонка», (см. также в систематической части отдел «Торговля и промышленность»). Перечисленные там слова в первую очередь должны были быть заимствованы этим же слоем. Заимствование названий предметов торговли в первую голову торговым слоем вполне понятно, в виду тесных связей этого слоя с русским торговым миром. Впрочем, в городах (Камышин, Саратов) русские обозначения сортов муки были, вероятно, употребительны и среди неторговой части населения их населения, покупавшего себе эту муку в лавках. Тем же торговым кругам должны были быть наиболее известны слова «четверть», «четверик», «гарнец», хотя биржевые бюллетени Саратовской немецкой газеты показывают, что особой устойчивости здесь не было и что наряду, например, со словом четверть в них употребляются однозначащие *Kuhl* и *Sack*. Слова, обозначающие меры были известны, конечно, чинам сельских правлений, тогда как рядовые колонисты, судя по теперешнему положению вещей, такие слова, как четверть и четверик, едва ли знали как слова своей обычной речи. Но слова, бывшие употребительными первоначально лишь у чинов сельских правлений, частью проникали и в крестьянский язык, как например, сторож, ямщик, земство, возможно, шелепы. Вообще, почти все слова, относящиеся к области жизни общегосударственной и общественной (см. ниже стр. 224), должны были быть, по самому положению вещей, в первую голову заимствованными этим чиновничьим слоем поволжских немцев.

В то же время можно видеть, как язык канцелярский отличается некоторыми особенностями: то он отличен от народного языка, имея немецкую форму там, где народный язык имеет русское заимствование (*Seelenanteil* вместо *Dusch* в *Екатериненштадтском Gutachten*, п. 10; ср. также *Kreisdiener* и *Kreisstorosch* в материалах из с. Прайс, п. 13), то в отличие от народного языка имеет русское заимствование вместо немецкого слова (*Arbusen* вместо *Melonen* в с. Прайс), то совпадает с словоупотреблением колоний (*Arbusenacker* в *Gutachten* Илавлинской вол., п. 10 – мы могли бы ждать чисто литературного *Wassermelonenacker*, как, впрочем, и в селе Прайс, где тому могло бы способствовать и народное словоупотребление). Так намечаются некоторые контуры особого немецкого канцелярского языка времен Конторы,

⁴⁷ Сюда же у Меринга: *malorussianische Slobode*.

который требует особого рассмотрения, тем более что его изучение обещает любопытные и ценные данные по волжско-немецкой диалектологии.

Так, в соответствии с известными социальными прослойками намечается (а иногда и прямо возможно) выделение известных групп заимствованных слов, свойственных исключительно или по преимуществу этим прослойкам. Но взаимозависимость явлений социальной жизни и жизни языка сказывается и в других отношениях. Здесь нам хотелось бы отметить лишь еще одну сторону этой взаимозависимости, важную для истории русских заимствований в языке поволжских немцев. Исчезновение определенных социальных, государственных или экономических предпосылок, ведущее к исчезновению известных установлений, предметов и понятий, ведет, естественно, и к исчезновению соответствующих языковых обозначений этих явлений или же к изменению значений соответствующих слов. Так, часть русских заимствований, бывшая, как с очевидностью вытекает из условий, при которых они встречаются в текстах в более или менее широком употреблении, как например, *Kalatt* «халат», *Denisch* «денежка», *Kasatschka* «казачка» (костюм), в настоящее время уже на стадии совершенного вымирания (*Kasatschka*) или потеряли конкретность своего значения (*Kalatt* в значении всякой старомодной мужской верхней одежды) или сохранились лишь в определенном обороте *der is kan Denisch wert* «он ничего не стоит», точнее: «он никуда не годится», представляя собой любопытный образец тех слов, которые столь интересны для так называемой лингвистической археологии. Другие же заимствования *Ukas* «указ», *Wojuwot* «воевода», *Scheleppen* «шелепы», *Badogen* «батыги» – т.е. слова, которые были, главным образом, употребительны в кругах административных, совершенно уже исчезли из языка поволжских немцев.

Этими наблюдениями, конечно, не исчерпывается интерес этих старых заимствований. Они дают любопытный материал для некоторых фонетических и морфологических наблюдений, а также для диалектогеографии волжско-немецких диалектов. Однако, эти факты мы рассматриваем в соответствующих главах нашего исследования о русских заимствованиях, тем более, что рассматриваемые нами здесь заимствования дают в этом отношении материал слишком ограниченный.

Зато вопрос о вскрытии соответствий, существующих между силой государственно-политического, экономического и культурного влияния и силой влияния языка, поставленный нами во вступлении, может быть с известным успехом разрешен и на основании имеющегося в нашем распоряжении материала, ограниченного годами 1764 и 1876. Для этого нам нужно будет этот материал разбить на такие группы, которые позволили бы с наибольшей легкостью выявить указанные выше соответствия.

I. В первую группу мы отнесем слова, относящиеся к области жизни общегосударственной и общественной. 1. Администрация и административно-служебный персонал: *Wojuwot* «воевода»; *Starost* «староста»; *Storosch* «сторож»; *Kreisstorsch*; *Kreis Jemschik* «волостной ямщик». 2. Законодательство: *Ukas* «указ». 3. Финансы и связанные с ними уста-

новления: Poschlin «пошлина»; Kabacke «кабак». 4. Публично-правовые отношения: Ataman «атаман (разбойничий)»; Ostrog «острог»; Badogen «батыги»; Scheleppen «шелепы»; Plete «плеть»; Pletka «плетка». 5. Местное самоуправление: Duma «дума (городская)»; Semstwo Lehrer «земский учитель». 6. Организация земельного общества: Tusch «душевой надел»; Dessjatka «десятка» (обозначающая группу членов земельного общества в отношении пользования землей и саму землю, находящуюся в их пользовании). 7. Меры и деньги: а) меры длины: Werst «верста»; Arschin «аршин»; Werschok «вершок», но вместо сажень в памятниках, где упоминается эта мера длины, Faden, б) меры площадей: Dessjatin(en); с) меры объемов, точнее сыпучих тел: Tschetwert «четверть» и Kuhl «куль»; Tschetwerik «четверик» и Pudowka «пудовка»; Garniz «гарнец»; d) меры веса: Pud, Buth, «пуд»; e) деньги: Rubel «рубль» (слово часто встречающееся в памятниках, но нами не отмечавшееся), Кореек, Corie др. «копейка», Denisch «денежка». 8. Общегосударственная религия: Pore «поп», hospodibomilie «господи, помилуй». Всего 34 слова. Конечно, количество слов, относящихся к этой группе, больше, чем мы могли здесь указать на основании показаний наших текстов, что можно заключить из иных, косвенных данных, относящихся, например, к числу так называемых «переводных заимствований» Übersetzungslehnhörter; ср., например, Dritter в значении копейка, несомненно возникшее в эпоху, когда был установлен курс бумажных денег, при котором одна копейка серебром равнялась трем копейкам ассигнациями, но введение в круг нашего рассмотрения этих слов потребовало бы, конечно, введения всей массы заимствований и по другим отделам, т.е. около 800 слов, что слишком увеличило бы объем нашей статьи и вывело бы нас за рамки, сформулированные во вступлении. Нам здесь важно было показать наличие этой категории заимствований, как обязательно присутствующей и в русских заимствованиях, сделанных до 1876 г.

Этого рода слова с неизбежностью заимствуются всегда, когда один народ находится в зависимости от другого или более многочисленного, или более могущественного народа, чему примером могут служить слова, относящиеся к области государственной жизни, заимствованные древними германцами из кельтского⁴⁸. Отметим лишь еще раз, что слова Starost и Pore «поп» и hospodibomille «господи, помилуй» служат для обозначения соответственных должностей и действия у русского населения, в русских селах, и что для обозначения протяжения в сажень употребительно повсеместно Faden, а не сажень, а в Ягодной Поляне говорят не аршин, а Eel, «Elle». Здесь, таким образом, налицо использование своего языкового материала, обусловленного в конечном счете формами и установлениями государственной жизни Германии, для

⁴⁸ Впрочем, G. Neckel (проф. Берлинского ун-та) в своей статье «Germanen und eiten» в журнале Forschungen und Fortschritte. 1928, № 11, на основании нового анализа кельтских заимствований в германских языках, относится скептически к утверждениям о государственном и культурном превосходстве кельтов над германцами.

обозначения русских мер.

II. Племена и народы: *Girgisen* «киргизы», *Tartaren* «татары», *Morduinen* «мордва», *Kalmucken* и *Kalmücken* «калмыки», *Kasaken* «казаки», *Kochollen* «хохлы». Впрочем, слово *Kasaken* могло бы быть отнесено и к предыдущему отделу, но наши памятники отождествляют их с *Kochollen*, т.е. с украинцами.

III. Следующая, и притом большая группа слов, относится к области отношений торговых и хозяйственных (промышленность и сельское хозяйство), действие которых на язык не менее сильно, чем действие общегосударственных (административных, публично-правовых и пр.) установлений, поскольку в пределах определенного государства (крупной административно-хозяйственной единицы) вырабатывается более или менее единая терминология в области торговли и промышленного производства, которая становится затем, благодаря общегосударственному языку, достоянием и отдельных народностей, населяющих данное государство. Это тем более, что наличие известных торговых и экономических отношений между народами и не связанными одной и той же государственностью, сопровождается заимствованием различных названий товаров и торговых терминов, как видно, например, из немецкого *Markt*, восходящего к латинскому корню, или из русского слова ярмарка, заимствованного из немецкого *Jahrmarkt*. Следует, однако, иметь в виду, что волжские немцы, поселясь в России, принесли с собой известные хозяйственные навыки и определенную терминологию в этой области, так что такого большого количества заимствований и причем сказывающегося решительно во всех областях, как это мы имеем в отношении жизни общегосударственной, здесь ожидать нельзя. В области торговых отношений и промышленного и сельскохозяйственного производства мы имеем следующие заимствования в наших памятниках: 1) Торговля и промышленность: а) организация торговли и организация торговых связей: *Prikastschik* «приказчик», *Tschott* (*Schott*) «счеты», *Pristan* «пристань». Сюда можно отнести и меры веса и меры сыпучих тел постольку, поскольку одно и то же слово, например, четверть, как это мы видели в п. 10 (*Saratowsche Deutsche Zeitung*), имеет способность обозначать меры разной величины, не сообразуясь с раз и навсегда установленной государством величиной меры (в данном случае четверть), которая (мера) обозначается определенным словом. Точно так же нужно отнести в эту группу слово *Paterik* «пятерик», как определенную меру дров. б) Предметы торговли: 1) текстильные изделия: *Sarpinka* «сарпинка», *Kuhlsacke aus Bast* «кули из рогожи», *Pitschowka*, «бичевка»; 2) виноделие: *Nalifki* «наливки»; 3) лесопромышленность: *Brus* «брус»; 4) рыбный промысел: *Sasan* «сазан», *Leschtsch* «лещ», *Sudak* «судак», *Sewriuga* «себряга», *Ikra* «икра»; 5) продукты сельско-хозяйственного производства: *Beloturka*, *Girka* (*Hirka*), *Kubanka* (*Kupan*), *Saksonka*, *Mehl Saksonka* «мука саксонка». В отношении пшеницы см. также сельское хозяйство, в отношении рыбы – «природа», о которых речь ниже. Помимо тех слов, которые одной своей стороной могут быть относимы к главе о частной жизни (пища и напитки) и там рассматриваемы, прямое отношение к вопросу о взаи-

моотношении языкового и культурного влияния имеют слова приказчик, и сарпинка. Слово приказчик первые поселенцы должны были употреблять лишь в применении к русской жизни, т. к. при тогдашних условиях товарооборота едва ли можно ожидать, чтобы у сельского торговца немца был свой приказчик (или свои приказчики); с приказчиками магазинов или продавцами немцы знакомились при поездках в город, а с приказчиками хлеботорговцев, при продаже хлеба. Интересно, что наш пример (п. 4) означает как раз приказчика последнего рода. Но с того момента, как разросшееся предприятие торговца-немца потребовало применения наемной силы (а это имело место только в крупных торговых селах, тогда как в очень больших самих по себе селах (более 2000 жителей) приказчики появляются лишь в 20 веке), с этого момента слово приказчик становится в определенных селах и обозначением факта волжско-немецкой жизни.

– Слово сарпинка обращает на себя наше особенное внимание, так как обозначает продукт, который почти до самого конца XX века (до 1898 г.⁴⁹) вырабатывался исключительно волжскими немцами, перенявшими это производство из Сарепты. Чем объяснить заимствование русского слова для обозначения немецкого продукта? Чисто лингвистические данные не могут нам дать объяснения этого на первый взгляд странного факта, и лишь путем привлечения данных из области экономики мы сможем получить ответ на поставленный выше вопрос. Производство сарпинки было первоначально ограничено северо-восточной группой немецких селений нагорной стороны,⁵⁰ во все же остальные немецкие села сарпинка проникала, главным образом, через торговый и экономический центр Саратов, где сосредоточивалась главная масса сарпинки в руках крупных торговых фирм и откуда она уже расходилась с готовым русским названием по всем немецким селам. Таким образом, наш пример, показывая, что заимствование слова не обязательно означает и заимствование предмета, обозначаемого этим словом, другими словами, что не всегда налицо прямое соответствие между силой культурного и языкового воздействия, вместе с тем весьма убедительно выявляет значение экономического центра или вообще экономики для жизни слов⁵¹. с) Ремесла. Plotnik «плотник» (см. «Частная жизнь», «постройки»). Сельское хозяйство. Здесь в первую голову нам нужно будет остановиться на перечисленных в группе «торговля и промышленность» обозначениях для разных сортов пшеницы. В своем месте в п.8 (А. Шнайдер) и другие мы уже отметили, что русские обозначения пшениц были употребительны, преимущественно, в ограниченном кругу волжских немцев (торговцы и близкие к тому кругу крупные посевики). Здесь же подчеркнем, что основная масса крестьянства, культивируя сорта пшеницы, с которыми она познакомилась лишь в России, дает им

⁴⁹ М. Степанов. Саратовская сарпинка, Маркштадт, 1920. стр. 7.

⁵⁰ Там же, стр. 3

⁵¹ Происхождение самого слова сарпинка таково: Сарепта, по речке Сарпе называлась еще Сарпинская колония, ткань, изготовлявшаяся в ней – сарпинская ткань; далее: сарпинская, а затем - сарпинка.

немецкие названия, правда, частью в порядке перевода русского названия, как *weisstürkischer* или просто *türkischer Weizen* вместо «белотурки». Другие примеры см. у А. Шнайдера⁵² (п. 8). b) Совершенно новым зато в хозяйстве волжских немцев оказался арбуз и, естественно, бахча. Здесь мы видим, что в большинстве волжско-немецких сел налицо слово арбуз⁵³, однако, в части сел Тарлыцкой группы (бывшей Тарлыцкой волости к югу от Покровска) говорят *Melone*, *Wassermelone*, что соответствует словоупотреблению немецкого литературного языка, но не обязательно означает, что название это взято волжскими немцами из литературного языка. Слово же бахча заимствовано лишь в меньшей части сел, тогда как главная масса их создала для ее обозначения новые сложные слова, воспользовавшись словом арбуз там, где оно было в этих селах заимствовано, или словом *Melone*: *Arbusenacker*, *Arbusenstück*, *Melonenstück*, что видно из прилагаемой карты. Оба же слова показывают опять, что прямого соответствия между культурным и языковым влиянием мы не можем ждать при всяких обстоятельствах: в части сел оно есть, в других его нет, оно терпит ограничение в смысле географическом. Полную ясность для наших примеров нам, однако, могли дать лишь карты, дающие обозначения для арбуза с абсолютной полнотой для всех старых сел, а для бахчи также с почти абсолютной полнотой и для старых (XVIII века) и для новых (XIX и XX вв.) волжско-немецких сел. – c) Сельскохозяйственные орудия. Здесь наши памятники дают одно единственное «соха». Лишь очень короткое время (см. Бауэр п. 12, и Штальбаум п. 6) соха находится в числе сельскохозяйственного инвентаря волжских немцев. В дальнейшем заимствование соха – лишь обозначение факта русской жизни. Для настоящего времени, таким образом, налицо несоответствие между культурным и языковым воздействием. В прошлом оно было, но точно вскрыть его можно было лишь на основании исторических справок. – d) Скотоводство: *Tabune* (*Tabon*). Как уже указано в п. 8 (А. Шнайдер), появление этого слова вызвано новой хозяйственной обстановкой, в которой оказались волжские немцы. Указанное в п. 10 наличие в с. Блюменфельд одновременно и русского обозначения *Daboon* и немецкого *Gailsherd* обнаруживает новую сторону в несоответствии между количеством перенятых слов и перенятых явлений: заимствованное слово имеет своего конкурента, поддерживаемого другими словами, как *Kuhherde*, *Schafherde*, *Sauherde*.

IV. Природа. Новая природная обстановка способствует, естественно, и появлению новых заимствований в этой области. Сюда относятся слова *Steppe* «степь», *Saton* «затон», *Suslik* «суслик»; видимо, *Tragon* (*Turkan*) «таракан», поскольку указание словаря Вайганда (см. выше) о том, что *Russe* обозначает черного таракана, часто встречающегося в России, можно истолковать таким образом, что черный тара-

⁵² Однако, в самое последнее время, с распространением селекционной пшеницы альбидум, усвоено волжскими немцами это ученое название, данное ей на опытных станциях.

⁵³ Заимствование арбуз имеем и в Сарепте.

кан, по крайней мере, в Западной Германии неизвестен⁵⁴. Сюда же отнесем названия рыб, уже упомянутые в группе «Торговля и промышленность». Из этих слов к нашему вопросу о соотношении культурного и языкового влияния имеют лишь касательство названия рыб, поскольку рыба имеет отношение к торговле, и слово таракан, поскольку это насекомое имеет отношение к частной жизни, к быту. О нем в следующей группе.

V. Несоответствие между количеством заимствованных слов и количеством заимствованных или перенятых фактов ясно обнаруживается в той группе старых заимствований, которые относятся к области частной жизни, к быту в области материальной культуры, жизни семейной и в области нравов и обычаев. – а) К области семейной жизни относятся слова, засвидетельствованные уже в XVIII веке: *Batschka* бачка, батюшка и *Matschka* мачка, матушка и *Vaba* «баба». Слова эти обозначают явления русской жизни, русского быта, явно не свидетельствуя о наличии русского культурного воздействия на волжских немцев. Из этих слов *Batschka* и *Vaba* сохраняют свое исконное значение, относясь лишь к русской жизни и имея всегда иронический оттенок. Слово же *Matschka* проделало любопытную эволюцию, расширив свое значение и обозначая всякую ненемку (русскую, украинку, киргизку, еврейку, цыганку и др.), приобретая иногда уничижительный смысл. В последнем случае это слово может быть применено и к немке. Слова указанного порядка свидетельствуют о потребности давать особые обозначения явлениям чужой, не своей жизни, имея тем самым определенную стилистическую значимость. – б) К области **нравов и обычаев** относятся слова *Masliža* «масляница» обозначающее русский праздник, и слово *dratze* «драться» (у Цюге *Stratzy*), которое в применении и к немецкой, и к русской жизни всегда имеет иронический смысл. Сюда же следует отнести слово, обозначающее предмет, который у Цюге назван *Katschalky* «качалка» (причем Цюге имеет в виду собственно перекидные качели), где явно обозначается явление русской жизни. Но, как уже отмечено в п. 3 (Цюге), в некоторых селах нагорной и луговой стороны самые обычные качели (доска на двух веревках) обозначаются словом *Gatschaai*, восходящим к русскому корню. Очевидно, как указано в том же месте, слово это заимствуется сперва для обозначения особого рода русских (ярмарочных) качелей, а затем уже переносится и на обычные качели. Это слово свидетельствует о таком воздействии русской жизни на немецкую, которое сопровождается заимствованием слова, но не свидетельствует о заимствовании самого предмета, который первоначально этим заимствованным словом обозначался. Рассмотренные слова, обнаруживая также потребность обозначать явления русской жизни, отличные от явлений немецкой жизни, русскими словами, вместе с тем свидетельствуют и о том, что к явлениям этой жизни, волжские

⁵⁴ Ср. к этому еще указание словаря Даля (3 изд.) под словом таракан, что в Сибири нет красного таракана.

немцы внимательно приглядываются уже с момента своего появления в России. – с) Особо стоит слово *Tarakan* «таракан». Уже отмечено, что это насекомое не встречается у немцев, но что им оно известно, как бытующее у русских. – d) Переходя к **области материальной культуры**, мы и здесь должны отметить, что часть заимствований в этой области обозначает явления русской жизни, другая – явления немецкой жизни. 1) **Постройки**: *Ambar* «амбар», *Semlenka* «землянка». И то, и другое явление немецкой жизни. Несколько слов лишь еще о землянке. Первые поселенцы, как отмечалось (Цюге, Штальбаум и др.), временно жили в землянках, перенятых, очевидно, от русских⁵⁵. В дальнейшем землянка все время для тех или иных целей остается в быту поволжских немцев, служа, однако, обычно лишь временным жильем. Так, в селах, где земельные угодья расположены очень далеко от населенного пункта, на этих угодьях возводились для временного проживания землянки. С переходом на отрубное и хуторское хозяйство многие завели себе и на хуторах и отрубях землянки, которые затем постепенно стали заменяться более солидными жилыми постройками. Если землянка известна у всех волжских немцев, то не у всех употребительно ее русское обозначение. Так уже отмечено, что в с. Мариенталь говорят *Hüt* «Hütte». Здесь культурное воздействие шире языкового. Отметим здесь также, что перенятием слов (и строений) амбар и землянка не ограничивается влияние русской материальной культуры в области построек. До середины XIX века постройки у поволжских немцев почти исключительно возводили русские плотники. С того времени постепенно появляются в большем или меньшем количестве немецкие плотники, но русские плотники и до настоящего времени довольно часто строят дома у немцев⁵⁶. Обозначение русского ремесленника *Plotnik* перешло и на его немецкого собрата. – В) **Одежда**. Здесь мы находим следующие заимствования: *Serevahn* у Цюге (ныне *Sarefan*) «сарфан», как обозначение костюма, употребительного у русских женщин; *Kaftan* «кафтан» как название двух родов костюма, перенятых от русских и еще ныне употребительных у волжских немцев. Кафтан перенимается от русских уже в XVIII веке, и, притом, как то отмечает Цюге, I, 170 под влиянием нужды. О том, что уже давно до него перенят кафтан говорит и Бат из Диттеля под 1828 годом, причем из контекста видно, что Бат имеет в виду так называемый «чепан» (верхняя широкая одежда без талии, с широким воротником, надеваемая поверх обычной верхней одежды от дождя и холода). В противоположность кафтану, *Kalatt* «халат» и *Kasatschka* «казачка» перенимаются, как то определенно

⁵⁵ Германские этнографы в своих работах по средней Германии землянки не упоминают, А. Haberlandt в своей работе *Die volkstümliche Kultur Europas in ihrer geschichtlichen Entwicklung* (=Buschan. Illustrierte Völkerkunde 11,2, S. 305-658), на стр. 410 отмечает землянку для немецкой языковой области лишь в северной Германии и в Голландии.

⁵⁶ Вопрос о влиянии русского плотничьего ремесла на характер волжско-немецких построек здесь рассмотрен быть не может, но заслуживает, безусловно, особого внимания.

говорит А. Шнайдер из Мариенталя, под влиянием моды. Мода эта городская и идет она из Саратова⁵⁷. О влиянии русского костюма на костюм поволжских немцев говорит, между прочим, норвежский путешественник, проф. университета в Христиании (ныне Осло) Ханстен (Hansteen), посетивший часть немецких сел нагорной стороны в 1830 году, указывая, что костюм у волжских немцев совершенно русского покроя⁵⁸. Ханстен говорит на основании кратковременных наблюдений и он не совсем прав, о чем говорят и показания А. Шнайдера из Мариенталя о том, что волжские немцы еще носят немецкий Rock («сюртук») и другие части немецкого костюма; о том же говорят и этнографические коллекции Центрального музея автономной немецкой республики. – 8) **Кушанья и напитки**. Здесь наши памятники дают Schi (у Цюге Aschy) «щи», как обозначение русского кушанья; Bline «блины», Birok (у Цюге Piroken) «пирог», Galatsch (у Цюге Kalatschy) «калач», как обозначения кушаний, перенятых от русских, Ikra «икра», Quast (у Платена), Quaas (у Цюге) «квас», сперва как обозначение русского напитка, но, как явствует из упреков инструкции от 1769 года по адресу колонистов, видимо еще в XVIII веке перенятого всеми колонистами от русских под прямым воздействием Саратовской Конторы; Nalifki «наливки», известное лишь у определенного слоя, соприкасающегося с городом. Сверх этих слов, обнаруживающих воздействие русской кухни и русского стола на волжских немцев, любопытно еще одно слово, обозначающее действие еды, от которого Платен дает нам причастную форму gekuscht. У Платена слово это употреблено в целях стилистических при описании русской жизни, сделанном в несколько шуточной форме, для придания стилю большей точности и как бы фотографичности. Так же, очевидно, это слово употреблялось первоначально и у волжских немцев в целом, но затем это слово перенесено и в шутливую речь, относящуюся к немецкой жизни: слову gusche или guschde ныне всегда присущ шутливый, иронический оттенок. Так вскрывается перед нами очень интересный путь проникновения русских слов в речь поволжских немцев⁵⁹. – б) **Средства передвижения**. Здесь наши памятники дают лишь одно заимствование Kibitke «кибитка». Предмет перенят вместе с его русским обозначением.

По поводу рассмотренного нами здесь вопроса о силе культурного влияния в его соответствии с силой влияния языкового считаем нужным отметить, что в этом отделе нашего исследования мы лишь частично, но все же на наиболее показательных примерах, проводили принцип индивидуального рассмотрения каждого данного примера. Но сделанные здесь наблюдения, которые еще раз сформулированы в п. 8 итогов и выводов, а также прилагаемый нами снабженный ссылками на источники

⁵⁷ Подробнее о халате и казачке см. п. 8 (Шнайдер).

⁵⁸ См. Prof. Christoph Hansteen Reise – Ennnerungen aus Sibirien Deutsch von Dr. Sebald. Leipzig. 1854.

⁵⁹ Вопросу о путях проникновения русских заимствований в язык поволжских немцев и о его причинах мы в нашем исследовании «О русских заимствованиях в языке поволжских немцев» посвятили особую главу.

указатель старых заимствований, показывающий, когда и у кого каждое данное слово засвидетельствовано, и позволяющий без особого труда установить в тексте статьи область применения каждого заимствования, поскольку она нам известна, думается, в состоянии предохранить от иллюзии некоей общей картины русского влияния на волжских немцев по данным старых заимствований, – картины, не считающейся со всеми теми ограничениями, которые в указанных местах указаны и сформулированы.

Итоги и выводы

1. Рассмотренный нами материал с определенной ясностью обнаруживает обусловленность словарных заимствований (в первую голову в области экономики и быта) явлениями экономического порядка, будь то торговая и хозяйственная жизнь России XVIII и XIX века в целом или же лишь одного Нижнего Поволжья, будь то те хозяйственно-бытовые навыки, которые волжские немцы принесли из Германии или же хозяйственно-бытовые навыки соседящего с ними русского крестьянства.

2. В части поставленного нами вопроса о социальной приуроченности заимствований оказалось возможным установить, что часть из них была приурочена (а иногда и теперь еще приурочена) или к чиновничьюму, или к административному, или к торговому, или же к более интеллигентному слою в целом.

3. Удалось наметить некоторые особенности канцелярского языка волостных и сельских правлений волжско-немецких селений во времена Конторы. Можно уже для XVIII века наметить некоторые различия в области словарных заимствований между языком канцелярским и языком народным.

4. Указание на приуроченность некоторых заимствований к определенным социальным слоям не должно быть, конечно, понимаемо в смысле некоей неподвижности. На основании нашего материала можно видеть продвижения заимствования от администрации или от торгового слоя к основной массе населения (Storosch; Sarpinka).

5. В отношении двух случаев (бахча; куль, четверть, Sack) можно наметить известную географическую дифференциацию заимствований, соответствующую современному распределению этих слов на волжско-немецкой языковой территории.

6. Подвижность (динамика) языковых явлений, отмеченная по отношению к дифференциации заимствований по известным социальным слоям, сказывается и по отношению к количеству заимствований для каждого данного периода времени по сравнению его с другим. Исходя из общих предпосылок, мы вправе утверждать, что количество русских заимствований в языке поволжских немцев все нарастает.⁶⁰ Наш материал, однако, позволяет нам утверждать, что не все старые заимство-

⁶⁰ Доказательства тому в нашем основном исследовании о русских заимствованиях. См. также вступление.

вания сохранились в современных говорах или хотя бы в определенных слоях поволжских немцев (например, *Woywot*, *Scheleppen*), налицо отмирание известных заимствований.

7. Начало же самого процесса проникновения русских слов относится уже к XVIII веку, по существу, к моменту появления волжских немцев в России.

8. Мы можем констатировать, что в ряде случаев нет прямого соответствия между количеством заимствованных слов и количеством заимствованных предметов, явлений и понятий.

Имея в виду всех носителей языка по всей волжско-немецкой территории, мы можем на основании нашего материала установить следующие достоверные случаи, когда положение о соответствии между языковым и культурным влиянием терпит ограничения:

Случай первый: слово и предмет (или понятие) перенимаются лишь определенным социальным слоем.

Случай второй: соответствие было, но исчезло; слово и предмет перенимаются оба (*соха*); по исчезновении предмета из хозяйства (плуг против *сохи*), слово сохраняется, но в качестве обозначения для предмета из русского материального быта – аспект исторический.

Случай третий: соответствия не было, но потом оно установилось (*приказчик*).

Случай четвертый: предмет заимствован по всей языковой территории, слово же только в большей или меньшей части ее: *арбуз*, *бахча* – (аспект чисто географический).

Случай пятый: заимствуются слово и предмет, но при наличии известных хозяйственных предпосылок, создается конкуренция заимствованному слову в пределах одного и того же села (*Daboon* «табун» против *Gailsherd* «*Gaulsherde*», при наличии *Kuhherde*, *Schafherde* и др.).

Случай шестой: заимствуется предмет, но ему дается немецкое название, обозначающее в Германии явление близкое, но все же иное (*Faden* вместо *сажень*; *Elle* вместо *аршин*). Культурное влияние шире языкового.

Случай седьмой (в наших примерах относительно наиболее частый): заимствуются слова, но не явления: заимствования обозначают факты русской жизни. Культурное влияние уже языкового.

Во всех этих, усмотренных на нашем материале, случаях, которыми, однако, не исчерпываются возможности несоответствия между языковым и культурным влиянием, могут иметь место передвижения и коренные изменения: заимствование может распространиться с течением времени по всей языковой территории; предмет (обычай, понятие и пр.), название которого заимствовано, сам может оказаться перенятым; конкуренция слов может окончиться или в пользу русского, или в пользу немецкого обозначения и т. д.⁶¹

⁶¹ Считаю нужным указать, что отмеченные случаи несоответствия между культурным и языковым влиянием не мыслятся мной строго логической системой, а лишь рассматривают явления с разных точек зрения, и, в зависимости от аспекта, один и тот же пример может быть рассматриваем в разных рубриках.

9. Заимствование ряда фактов русской жизни (пища, одежда, постройки и пр.) свидетельствует о наличии довольно тесных экономических связей между волжско-немецким и русским населением. Заимствование же русских слов для обозначения фактов русской жизни еще в XVIII веке и сохранение этих заимствований до настоящего времени свидетельствует в свою очередь о длительности и непрерывности хозяйственно-культурных отношений между немцами и русскими. Если бы дело обстояло наоборот, то, естественно, русская крестьянская жизнь вышла бы из поля зрения немецкого населения, а вместе с тем соответствующие словарные заимствования (если бы они были сделаны, напр. Цюге и др., случайно) должны были бы исчезнуть из лексикона волжских немцев также, как исчезли или исчезают на наших глазах такие слова, как *Woywot*, *Kasatschka* и др.

Указатель заимствованных слов.

Амбар: 18. Jh. Möhring. 1847, Gemeindecarchiv, Preuss: Fruchtambar; 1857 ds.: Ambaren; 1849, A. Schneider: Ambars; Ambaren; 1861. Dsirne, Ambar, 1869; Klaus, Ambar.

Арбуз: 1802, Züge: Arpusen; 1827-28, Manuskр. U. W. 1922, 4-5: Arbussen; 1842, Gemeindecarch. Preuss Arbussen; 1857; Arbussen Acker; 1849, R. Schneider, Arbussen; 1864-65, S. D. Z.: Arbussenlandstück, Arbussen, Arbussenbau, Arbussenacker, Arbussenfelder.

Аршин: 1864-65, S. D. Z.: Arschin.

Атаман: 1885-88 G. Bauer: Ataman.

Баба: 18. Jh., Plahten: Baba.

Бадейка: 18. Jh., Plahten: Badeika.

Батоги: 1802, Züge: Podoggen; 1870: (Volkszeitung 1914), Badogen.

Батюшка, бачка: 1803. Züge: Batuschka, Batschky; 18. Jh., Plahten:

Batschka.

Бахча: 1827-28, Manuskр. U. W., 1922, 4-5: Bachtshu.

Белотурка: 1827-28, Manuskр. U. W. 1922, 4-5: Beloturka. 1849. A. Schneider, Beljaturka.

Белуга: 1802, Züge: Beluhschen.

Бичевка: 1830, Stallbaum Maist. 1925, 5: Pitschowka.

Блины-горячи: 1802, Züge: Phliny-garetschy.

Брус: 1864-65, S. D. Z.: Brussen.

Ведро: 1864-65, S. D. Z.: Wedro.

Верста: 18. Jh. Plahten: dreissig Werst.

Вершок: 1864-65, S. D. Z.: Werschok.

Воевода: 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5: Woywot.

Гарнец: 1803, Instruktion (Beratz): Garnitz; 1853 и 1857 Preuss: Garnitz.

Гирка: 1849, A. Schneider: Hirka; 1864-65, S. D. Z.: Girka.

Горшок: 18. Jh., Plahten: Gorschok.

Господи, помилуй: 1802, Züge: hospodybomille.

Государь: 1803, Züge: Gosudar.

Государыня: 1803, Züge: Gosudarinne.

Денежка: 1828, Bath: Denisch.
Десятина: 1849, A. Schneider: das Dessjatin; 1864-65, S. D. Z.:
Dessjatinen, 1828, Bath: einige Dessantinne.
Десятка: 1864-65, S. D. Z.: Dessjatka.
Драться: 1803, Züge: Stratzy.
Дума: 1864-65, S. D. Ztg: Duma.
Душа: 1845, Gemeindecarch. Preuss: Tusch.
Затон: 1864-65, S. D. Ztg: Saton.
Землянка: 1802, Züge: Semlinken; 1828, Bath: Semalinken; около
1840; Mattern in U. W. 1922, 2: Samlanken; а также Semlanken; 1830,
Stallbaum Maist 1925, 5; Semlenken; 1770, Gemeindecarchiv Preuss:
Semlenka.
Земство: 1878, Gemeindecarch. Preuss: Semstwo Lehrer.
Икра: 1802, Züge: Ikra.
Кабак: 1802, Züge: die Kabacken, Kabacke; 1849, A. Schneider:
Карпачке.
Казак: 1802, Züge: Kasaken; 1928 Bath: Kasaken.
Казачка: 1849, A. Schneider: Kasatschka.
Калач: 1802, Züge: Kalatschy.
Калмыки: 1803, Züge: Kalmücken; 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5:
Kalmücken; 18. Jh. Möhring: Kalmücken.
Капуста: 18. Jh. Plahten: Kapusta.
Кафтан: 1802, Züge: Kaftany; 1849; A. Schneider: Kaftan; 1861, Dsirne:
Kaftan; 1828, Bath: Kaphtan.
Качалка: 1803, Züge: Katschalky.
Квас: 18. Jh. Plahten: Quast; 1770, Instruktion (Beratz): Kwas; 1802,
Züge: Quaas.
Кибитка: 1802, Züge: Kibitke.
Киргизы: 1830. Stallbaum in Maist. 1925, 5: Girgisen; ок. 1840, Mattern
Kirgiser.
Копейка: 1828, Bath: Капека и др.; 1830 Stallbaum in Maist. 1925, 5:
Кореекен, Кореек.
Кошки: 1802, Koschki.
Кубанка: 1849, A. Schneider: Kupan; 1864-65, S. D. Z.: Kubanka.
Куль: 1827, Gemeindecarch. Preuss: Kühl; под 1768 Möhring (Beratz):
Kühl; 1864-65, S. D. Z.: Kuhl, Kuhlsacke.
Кушать: 18. Jh., Plahten: Gekuscht.
Лещ: 1864-65, S. D. Z.: Brassen (лещ).
Малороссы: 1849, A. Schneider, Malorossjaner; Тб. Jh. Möhring;
malorussianisch.
Масленица: 1803, Züge: Masliza.
Матушка, мачка: 1803, Züge: Matuschka; 18. Jh. Plahten: Matschka;
1803 Züge Matschky.
Мордвины: 1803, Züge; Morduinen.
Наливки: 1864-65, S. D. Z.: Nalifki.
Острог: 1803, Züge: Ostrog; между 1802-1812 г. Befehl des
Oberrichters Roggenbücke (Beratz): Ostrog; ок. 1840 г. Mattern: Ostrog.
Пильщик: 1864-65, S. D. Z.: (Säger).

Пирог: 1802, Züge: Piroken.
Пирожки: 1802, Züge: Piroshy-Garetschy.
Плеть: 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5: Plet; 1885-85, Bauer: Pletenhiebe.
Плетка: 1802, Züge: Pletky; Bauer Pletka.
Плотник: 1830, Stallbaum: Plotnik; 1767 (Beratz): Plotniken.
Поп: 1802, Züge: Die Popen.
Пошлина: 1864-65, S. D. Z.: Poschlin.
Приказчик: 1827-28, Manusk. in U.W. 1922, 4-5: Prikastschiki.
Пристань: 1849, Gemeindearchiv Preuss: Pristan; 1864-65, S. D. Z.: Pristan.
Прусак: 1803, Züge: Prusack, Prasack.
Пуд: 1828, Bath: Pud; 1849, Schneider: Pud; S. D. Ztg. 1864-65: Pud.
Пудовка: 1803, Züge: Pudowky; 1803, Instruktion (Beratz): Pudowka; 1830, Stallbaum: Pudofka; под 1768 и 1769 г. Möhring (Beratz): Pudowki; 1849, A. Schneider: Pudowki; 1827, Gemeindearch. Preuss: Putowka, 1828, Bath: Putowka.
Пятерик: 1864-65, S. D. Z.: Paterik; Bauer: Pjaterik, Pjaterikholz.
Рубль: во мн. памятках; 1767, Möhring: Rubel.
Саксонка: 1864-65, S. D. Z.: Saksonka.
Сарафан: 1802, Züge: Serrevahn.
Сарпинка: 1849, A. Schneider: Serbinska; 1827-28, Manusk. in U. W. 1922, 4-5: Sarpinka, Sarpinkasche; G. Bauer: Sarpinka.
Сазан: 1864-65, S. D. Z.: Karpfen (сазан).
Сваха: 1803, Züge: Schwaga.
Севрюга: 1864-65, S. D. Z.: Sewriuga.
Скирды: 1849, A. Schneider: Skirten.
Слобода: 1767, Möhring; slobode.
Соха: 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5: Zochna-Schaar; Bauer: Socha; 18. Jh., Möhring: 1 russischen Pflug.
Староста: 1803, Züge: Starost.
Степь: 1828, Bath: Step; ок. 1840, Mattern: Steppe.
Сторож: 1824, Gemeindearch. Preuss: Storosch; 1837, Kreisg Storsch.
Судак: 1864-65, S. D. Z.: Sandart (судак).
Суслик: 1864-65, S. D. Z.: Zieselmäuse (суслики).
Счеты: 1864-65, S. D. Z.: Tschott.
Табун: 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5: Tabunen; 1849, A. Schneider: Tabonen, Geltetabon; 1861, Dsirne, Schön Ammi: Tabune, Tabunehirte, Rindviehtabune; 1864-65, S. D. Z.: Pferdtabun, Tabunsteppe; Bauer: Tabun.
Таган: 1849, A. Schneider: Takan (Dreifuss).
Таракан: 1803, Züge: Turkanen; 1849, A. Schneider: Tragonnen.
Татары: 1803, Züge: Tartaren.
Указ: 1885-88, G. Bauer: Ukas; 1767 (Beratz): Ukase; 18. Jh. Möhring.
Фуфайка: 1803, Züge: Fufei.
Халат: 1849, A. Schneider: Kalatt.
Хомут: 1830, Stallbaum in Maist. 1925, 5: 2 Kamuther; 18 Jh., Möhring: Chomuth.
Хохлы: 1828, Bath: Kochollen.

Четверик: 1775, (Beratz): Tschetwerik; 1853-57, Gemeindearchiv Preuss: Tschetwerik.

Четверть: 1827-28, Manuskr. in U. W. 1922, 4-5: Tschetwert; 1849, A. Schneider: Tschetwert; 1775 (Beratz): Tschetwert; 1864-65, S. D. Z.: Tschetwert; 1853-57, Gemeindearchiv Preuss: Tschetwert.

Шелеп: 1770, Instruktion (Beratz): Schelepen; 1770, Instruktion (Volkszeitung 1914): Scheleppen.

Ши: 1803, Züge: Aschy.

Ямщик: 1824, Gemeindearch. Preuss. Kreisjemschikslohn; 1837: Kreis Jemschik.

К карте.

Цифра 46 перед словом *Arbusenacker* обозначает, что слово это является 46-м в разработанной мной анкете № 1 для волжско- немецкого словаря. Карта составлена на основании ответов на эту анкету.

В объяснениях на карте обозначения бахчи даны в формах немецкого литературного языка, так как нам для нашего словарного исследования важно было дать различные типы обозначений бахчи безотносительно к звуковому виду этих обозначений по каждому данному селу. Дня каждого типа обозначений применены знаки двойкой величины. Большие знаки обозначают наличие данного термина в селах-метрополиях (*Mutterorte*), малые же знаки – наличие его в селах, основанных в течение XIX и, частично, XX века выселенцами из сел-метрополий.

На карте следует различать три группы поселений: 1) основанные в XVIII веке села-метрополии со средненемецкими диалектами, разделенные так называемым «Покровским клином»; 2) села-выселки (*Tochterorte*) с такими же диалектами и 3) села (ныне числом 8) меннонитские с нижненемецким диалектом, основанные в XIX веке и расположенные к северу от речки Тарлык, в этих селах мы по анкетам частично имеем обозначение «бахчан» *Bachtschan*.

В селах-метрополиях (без меннонитских) мы имеем четыре типа обозначений: 1) В северной группе *Bachtschu* (25 случаев) и *Arbusenstück* (17 случаев) 2) В южной группе нагорная сторона имеет в громадном большинстве случаев *Arbusenacker*. Тип *Arbusenstück* мы на нагорной стороне встречаем, прежде всего, в трех селах-метрополиях (из числа четырех), принадлежавших ранее к Аткарскому уезду. Кроме того, *Arbusenstück* имеем согласно ответу анкеты в с. Диттель (единичность его, однако, вызывает сомнения) и в показаниях анкеты из Бальцера, где оно дается рядом с *Arbusenacker*. Тарлыцкая группа (на луговой стороне) имеет преимущественно тип *Melonenstück* (9 случаев) затем 4 раза тип *Arbusenstück* и 2 раза *Arbusenacker*. В селах-выселках (*Tochterorte*) обычно то обозначение, которое налицо в сел-метрополии, откуда выселились жители данного села (*Tochterorte*).

Противоположность северной и южной группы выступает с полной отчетливостью.

Для сел-метрополий (*Mutterorte*) наша карта вместе с тем может

служить и картой распространения обозначений арбуза: Melone и Wassermelone мы имеем везде там (и только там), где наши анкеты и наша карта дают Melonenacker. В других везде арбуз. Обозначения арбуза в волжско-немецких диалектах нами записаны в селах-метрополиях на месте. В двух селах-метрополиях нагорной стороны, из которых нет ответа на нашу упомянутую выше анкету № 1 и по которым наша карта, таким образом, не дает обозначений для бахчи, также записано нами арбуз.

На карту занесены, по возможности, все названия немецких сел, встречающиеся в тексте.

Корр. заметка № 1. (к стр. 25, п. 2, В): После сдачи своей работы в печать, мне удалось достать экземпляр журнала Friedensbote за 1901 год, в котором в номерах 4-м и 5-м напечатаны хронологические заметки студента (впоследствии учителя) Иоганна Георга Меринга. Меринг располагает свои записи по годам. В них мы находим следующие заимствования: 1) 1767 г. (в № 4. столбец 238) wo wir bei dar... malorussianischen Slobode Pokrowskaja 1767 den 2. August anlandeten; 2) (№ 4, столбец 238): Von diesen 10 Rubeln Vorschuss bezahlte ich... für (?) Dessjatin zu ackren... 6 Rubel; 3) 1768 г. (в № 5, столбец 305): 2 Kuh; 4) Pudofki Weizen... 4) (там же 1768 den 6 Juni) bekam ich... russischen Pflug; 5) (там же): Um diese Zeit wollten viele Kolonisten zu den Kalmücken Obergehen; 6) (№ 5, столб. 308): 1775 den 3. October fuhr ich... auf die Kolonie Swonarewkut. In der Kolonie Popofkina ist von mir nachgeblieben: ein Haus, 1 Stall und 1 Ambar... 1 Chonuth; 7) (там же) 1775 den 21. October ist eine gnädigste Ukase publiciret. – Всего таким образом 10 заимствований. Укажем лишь, что для заимствования слова амбар Меринг дает нам самое старое показание. Сверх того слово хомут засвидетельствовано у него еще под 19.8.1767 (№ 4, столб 238).

Корр. заметка № 2. (к стр. 36, п. 7): В рукописи Иоганеса Петера Маттерна, которую мы получили благодаря любезности его внука, Д. К. Маттерна, относящейся ко времени ок. 1840 г., мы отметили следующие заимствования, стр. 34: 1) Ostrog, 2) Kirgiser, стр. 37, 3) Samlanken, на стр. 38 также Semlanken, 4) стр. 39: Steppe и Samlanken.